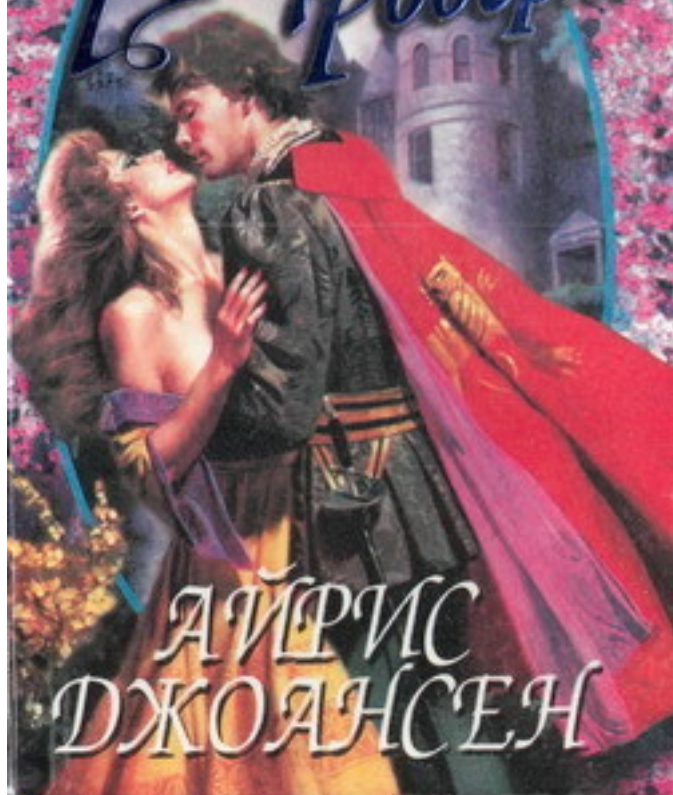

Черный Роберт

АЙРИС
ДЖОАНСЕН

Айрис Джоансен Черный Роберт (Тайна королевы)

OCR Lady Vera

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156251

Черный Роберт: Эксмо; Москва; 1996

ISBN 5-85585-658-5

Аннотация

Королевы теряют головы от любви и... на плахе. Судьбами их детей играют жаждущие власти и богатства.

Не стала исключением и судьба юной героини. Но сила воли, доброта и страстная любовь к незаурядному человеку, мужественному и независимому правителю сурового острова, помогли ей обрести свое счастье.

Содержание

1	4
2	47
3	79
4	113
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Айрис Джоансен Черный Роберт (Тайна королевы)

1

Раздался пронзительный хохот русалки, и Кейт закричала.

От звука собственного голоса она проснулась и резко села на кровати, зажав рот ладонью.

Сердце отчаянно колотилось, в горле пересохло. Кейт с ужасом смотрела на дверь.

Если это не было продолжением сна и она в самом деле кричала, то сейчас послышатся шаги.

Тишина...

«А может, – с надеждой подумала она, – Господь смилостивился, и в этот раз они не проснулись...»

Шаги...

Кейт на секунду закрыла глаза от охватившего ее чувства бессилия и страха, но потом решительно сжала кулаки. Нет, нельзя! Она не доставит им такого удовольствия и постарается скрыть свою слабость. Именно в эти минуты неожиданного пробуждения Кейт не всегда удавалось сразу взять себя

в руки.

– Ну, дитя мое? Опять все тот же сон?

Кейт невольно вздрогнула. В дверном проеме, держа в руках подсвечник с единственной зажженной в нем свечой, стоял Себастьян Лендфилд.

Поверх ночной сорочки он надел серый халат. В этом одеянии его фигура казалась еще более тщедушной. Серые волосы были всклокочены, а блеклые серые глаза сверкали от неестественного возбуждения.

– Перед сном я молился, просил Господа помочь тебе. До чего же мне тяжело видеть твои страдания.

– Я вовсе не страдаю!

Помимо ее желания, в голосе Кейт прозвучали вызывающие нотки. За это ей тоже придется поплатиться.

Себастьян подошел к кровати и неспешно, предвкушая удовольствие, поставил подсвечник на ночной столик.

– А чьи же это стенания тогда разбудили нас?

Он наклонился к ней и мягким движением отвел прядь волос с ее лба.

– Ты так металась во сне, что уронила чепец.

Как же это она забыла надеть этот ненавистный чепец, когда слышались его шаги?!

– Мне очень жаль...

– Ничего. На все воля Бога, – прервал он ее. – Хотя Марта, конечно, недовольна, что ты опять потревожила ее среди ночи.

Рука Себастьяна снова потянулась к ее лицу – вытереть мокрую от слез дорожку на щеке.

Кейт не выносила прикосновения его длинных холодных пальцев. А в последнее время Себастьян, казалось, старался дотронуться до нее при каждом удобном случае. Брезгливо отпрянув от него, Кейт повернула голову к двери.

– Где она? Я попрошу у нее прощения.

– Сейчас придет, – вздохнул он с притворным сочувствием. – Думаю, ты догадываешься, куда я был вынужден отправить ее?

Лопатки Кейт свела судорога, когда она представила, как Марта поворачивает ключ, выдвигает верхний ящик комода и с довольной улыбкой на лице достает хлыст.

– Марта считает, что ты притворяешься и нарочно будишь нас посреди ночи...

Кейт с удивлением взглянула на него.

– Зачем?

– Я так не думаю. – Он провел пальцем по ее шее. – Марта не очень хорошо разбирается в людях. Тебе уже шестнадцать лет, ты не ребенок, чтобы досаждать нам просто так. Но, к счастью, это еще тот возраст, когда можно исправить человека, наставить его на путь истинный... Так что же за сон тебе приснился?

Кейт молчала.

– Тот же самый?

Ему и без того было известно, что ее преследовал один и

тот же кошмар. Сколько раз Кейт проклинала себя за то, что рассказала ему о русалке. Но когда ей впервые приснился этот сон, она была еще ребенком. Могла ли она тогда знать, какое оружие сама вкладывает в руки Себастьяна. Впрочем, не одно, так другое. Он умеет обратить каждое ее слово в ловушку.

– Признайся, – тихо повторил он. – Покайся в своем грехе! Ты же знаешь, что так будет лучше для тебя.

Можно обмануть его: сказать, что ей снилось совсем другое. Вдруг он поверит?

И тут в ее сердце вспыхнул гнев. Лгать? Нет, она не станет лгать. Она ни в чем не провинилась. И наказание это незаслуженное...

– Вы не правы! Это всего лишь сон! – Голос ее дрогнул от возмущения. – Разве может сон считаться грехом?

– Ну вот опять! – пробормотал он. – Снова глаза твои сверкают. Столько лет я стараюсь изо всех сил, а ты так плохо усваиваешь преподанные мною уроки. Притворяешься послушной и покорной, а потом наступает миг, когда собственные тебе дерзость и гордость снова поднимают голову, как змеи, готовые ужалить.

– Я не грешила! – упрямо повторила Кейт.

Неужели Себастьян думает, что она не понимает разницы? Грех – это когда ей хочется изо всех сил пнуть его по тощим, цыплячьим ногам или выдрать клочок из его седых волос. Или то чувство, которое она испытывает, когда Марта

отпускает какое-нибудь злобное замечание в ее адрес. Кейт всегда осознает, что в такие минуты ее и в самом деле одолевают грешные мысли. Но при чем тут сны?

– Я уже объяснял тебе, – терпеливо проговорил Себастьян. – Когда ты засыпаешь, душа твоя обретает свободу и летит, куда ее влечет порок... – Он наклонился к ней еще ближе. В глазах его вспыхнул фанатичный огонь.

– Ты зачата во грехе! И потому душа твоя грешна изначально. Тебя носила в своем чреве величайшая из блудниц. И только с моей помощью ты можешь спастись от мук ада. Кайся! Тебе снилась русалка?

Дух сопротивления вдруг оставил Кейт. «Может быть, и в самом деле дурно отрицать это», – подумала она устало.

– Да.

Он вздохнул с некоторым облегчением:

– Хорошо. Теперь нам надо понять, что послужило поводом, толчком... к греховным мыслям...

Его взгляд застыл на ее лице:

– Что ты делала сегодня?

– Занималась, как обычно, с учителем Гивсом. Помогала мадам делать свечи...

– И все?

Кейт закусила нижнюю губу.

– Когда я закончила все свои дела, поехала покататься на Вороном.

– А! В деревню!

– Нет, в лес.

Воспоминания сами собой нахлынули на нее, неся покой и радость, которые она переживала сегодня, ощущая запах влажной после недавнего дождя земли, гладкие упругие мышцы коня, бархатистость его кожи под ладонью, когда она гладила Вороного, ведя на водопой к ручью.

– С кем ты разговаривала по дороге?

– Ни с кем.

Она встретила устремленный на нее взгляд Себастьяна и вспыхнула от негодования.

– Вы знаете, что я не обманываю. Да и кто бы осмелился заговорить со мной после того, что вы им наговорили...

– Значит, сама по себе езда верхом на лошади... – нахмурился он. – Мне никогда не нравилась эта затея. У таких – слабых духом – людей, как ты, подобная свобода развивает порочные наклонности. И пробуждает всякого рода...

Кейт испугалась. Неужели он отберет у нее Вороного? Все что угодно, но только не это.

– Нет! Вы не можете так поступить. Леди будет недовольна. Она хотела, чтобы я стала хорошей наездницей.

– Опять она упрямится? – спросила появившаяся в дверях Марта. – Я ведь говорила тебе: характер у девочки портится с каждым днем.

Марта подошла к Себастьяну и, не выпуская из рук хлыст, попросила:

– Позволь мне поучить ее. Она сразу поймет, чего от нее

добиваются.

Себастьян покачал головой.

– Сколько раз тебе повторять. Это моя обязанность, мой тяжкий долг. Можешь идти спать.

Жена удивленно посмотрела на него:

– Ты не хочешь, чтобы я осталась здесь?

– Иди спать...

Кейт удивилась не меньше Марты. Наказание уже превратилось в ритуал, и Марта с жадным наслаждением следила за малейшим проявлением слабости или боли, которое появлялось на лице Кейт.

– Я хочу остаться, – возразила женщина. – Почему ты отсылаешь меня?

– Потому что заметил: ее страдания доставляют тебе слишком большое удовольствие. Мы истязаем тело несчастной грешницы не ради собственной прихоти, а чтобы очистить ее душу.

На щеках Марты вспыхнули два красных пятна.

– Ты сам себя обманываешь! Думаешь, я не вижу, как ты в последнее время смотришь на нее. Мне не хотелось в это верить, но ты... – Она вдруг замолчала, увидев устремленный на нее горящий взор мужа.

Кейт по себе знала, какой ужас может вызывать в душе этот полубезумный взгляд. Но прежде Себастьян никогда не смотрел так на свою жену.

– Что ты хочешь сказать? – произнес он ласково. Марта

попятилась и быстро вышла из комнаты. Себастьян повернулся к Кейт и сказал неестественно тихим, страшным голосом, от которого у нее всегда мурашки шли по коже:

– Пора, Кейт!

Она знала, что последует за этими словами. Пальцы ее сжали простыню. Но обычно вызывавшее ужас наказание сейчас не пугало ее так, как угроза Себастьяна убить Вороного.

Кейт поднялась и подошла к тому стулу, где всегда проходила экзекуция. Ничего! Сейчас это все закончится. Себастьян старается бить ее так, чтобы не оставалось шрамов. А если она сделает вид, что раскаялась... Боже! При одной мысли о необходимости унижаться и молить о пощаде у нее комок встал в горле.

– Оголи спину!

Кейт высвободила руки из рукавов ночной сорочки, и она скользнула по телу вниз, до талии. После этого девушка встала на колени перед стулом. Сквозь бумагею сорочки она ощущала ледяной холод досок. Вытянув руки вдоль тела, как Себастьян учил ее с самого детства, Кейт застыла в ожидании первого удара.

Но удара не последовало.

Кейт выждала еще немного и обернулась. Себастьян стоял с плетью в руке и смотрел на нее. Его лицо горело, пальцы странным ритмичным движением сжимали и разжимали плетеную рукоять хлыста.

– С какой легкостью ты раздеваешься! Совсем забыла про стыд?! – спросил он охрипшим голосом. – Так, наверное, ты и во сне...

Кейт в недоумении смотрела на него: раньше он не ставил ей этого в вину.

– Я же говорила... сон совсем о другом...

Почему он не начинает? Скорее бы уж все мучения были позади. Скрывая нетерпение, она резко добавила:

– Вы сами приказали мне раздеться. Я выполнила то, что вы велели.

– Не испытывая стыда, не пытаясь прикрыться...

Себастьян не мог отвести глаз от ложбинки, где тонкая талия Кейт плавно переходила в мягкие округлости ягодиц.

– Думаешь, я не вижу, что ты в последнее время стараешься привлечь к себе внимание? Как я боялся, что это проснется в тебе, когда минует детство. В твоих жилах течет порочная кровь, и ты не в состоянии противиться ее зову. Всякого, кто оказывается рядом, ты пытаешься соблазнить.

– Нет!

– Да! – Его лицо исказила гримаса презрения. – Я вижу, какие взгляды ты бросаешь на мужчин из-под опущенных ресниц. Как твои порочные губы улыбаются им. Я хорошо знаю эту улыбку. Двадцать лет назад она проезжала по этой деревне с такой же улыбкой на устах. Я знаю, откуда этот греховный взгляд!

– Я не такая, как моя мать... – Голос Кейт задрожал от

негодования. – Я сама по себе. Клянусь, мне совсем не хочется соблазнять мужчин. И мне больше всего нравится быть одной.

– Лжешь! Все шлюхи – лгуны. – Он уже не говорил, а шипел. – Даже во сне тебя одолевают сладострастные мысли. Признавайся!

Кейт чувствовала, как спина ее онемела от напряжения. Себастьян придумал для нее новую муку, муку ожидания, которая хуже самого наказания.

– Пожалуйста! Делайте то, что вы собрались делать.

– Чтобы ты снова могла погрузиться в сон, отдаться во власть похоти? – Он занес руку для удара. – Во имя спасения твоей души я должен сделать все, чтобы этой ночью ты уже не смогла предаваться греху...

Хлыст коснулся ее спины, словно раскаленное железо.

Она закусила губу, чтобы не закричать.

– Думаю, коня придется у тебя отобрать.

– Нет! – Она не позволяла себе кричать, когда Себастьян бил ее хлыстом, но угроза отнять Вороного лишила ее остатков самообладания.

Еще удар.

От боли потемнело в глазах, словно опустилась какая-то пелена. Но все-таки она еще в силах думать. И надо попытаться найти выход.

Леди! Единственный человек, которого Себастьян боялся. И только мысль о том, что это может разгневать ее, иной

раз удерживала его руку.

– Леди это... не понравится. Она...

– Я не стану говорить ей всю правду. Жеребец уже старый.

Он может заболеть и умереть.

Еще один страшный ожог, от которого снова потемнело в глазах.

– А другого мы покупать просто не станем.

– Вы собираетесь отправить его на живодерню?

– Когда речь идет о спасении души, скотину нечего жалеть. Мне надо было отделаться от него еще три месяца назад, когда ты убежала из дома.

В воздухе снова просвистел хлыст.

Еще удар.

И еще.

Никогда раньше Себастьян не впал в такую ярость, как сегодня. Кейт не помнила, сколько раз хлыст поднимался и опускался на ее спину. Наконец экзекуция окончилась.

Она едва осознавала, что происходит, когда Себастьян поднял ее на руки, понес к кровати и осторожно положил на простыни:

– Теперь ты будешь спать без сновидений, – пробормотал он. – Тебе не стоило выводить меня из себя и заставлять столь сурово наказывать.

– Пожалуйста... не трогайте Вороного...

– Поговорим об этом завтра. – Себастьян накрыл ее одеялом. – Ты получишь хороший урок – все это произойдет на

твоих глазах. Но я надеюсь: ты поймешь, что я действую так лишь ради твоего спасения.

Как же! Будет она ждать! Ногти вонзились в ладони – с такой силой Кейт сжала руки под одеялом. Вороной – единственное существо, которое она любила в этом мире. И она не даст Себастьяну прирезать его. Надо только преодолеть страшную слабость, охватившую тело.

Себастьян поднял подсвечник и направился к выходу.

– Спокойной ночи, Кэтрин.

Как только дверь за ним захлопнулась, Кейт отбросила одеяло и с трудом поднялась.

Она не позволит ему убить Вороного.

ДВОРЕЦ В ГРИНВИЧЕ

– Черный Роберт?! Перси, ты уверен, что вам удалось схватить его? – В голосе королевы звучало сомнение.

– Более чем, ваше величество, – ответил Перси Монтгрейв. – Этот дьявол достался нам дорогой ценой. Два мертвеца и один тяжелораненый – что может быть убедительнее этих доказательств? Черный Роберт – граф Крейгдю в Таузере. Он ждет вашей милости.

– Прекрасно! – Украшенная перстнями рука королевы хлопала по подлокотнику кресла. – Но сколько же на это ушло времени! Мне он был нужен еще шесть месяцев назад. – Она перевела взгляд в другой конец комнаты, где на письменном столе лежал указ, ожидающий ее подписи. – Ты не

слишком торопился.

Перси удивленно вскинул брови. Все придворные знали о том, что Елизавета в последние дни не могла думать ни о чем, кроме этого указа. Только он занимал ее мысли и чувства. И вдруг такой интерес к какому-то правителю Крейгдью? Совершенно непонятно.

– Черный Роберт не сидит на одном месте. Одно время я даже начал думать: не взяли ли его в плен испанцы.

Елизавета усмехнулась:

– Он слишком умен, чтобы попасть к ним в лапы. А где тебе удалось схватить его? На Крейгдью?

Перси покачал головой.

– В Эдинбурге. На Крейгдью это было бы невозможно сделать. А ваш родственник Джеймс с большой радостью закрыл глаза на случившееся и сделал вид, что не заметил, как я вытаскиваю эту занозу из его тела.

– Насколько «невозможно»?

– Извините, ваше величество, я не понял?

– Ты сказал, что на Крейгдью его было бы невозможно схватить. Я хочу узнать, насколько неприступен остров, – нетерпеливо ответила королева.

– Вообще-то возможно, – Перси скривил губы, – если, скажем, собрать такую же флотилию, которая понадобилась бы Филиппу, чтобы выступить против флота вашего величества.

– В самом деле?

Перси показалось, что это сообщение почему-то не огорчило королеву.

– По-твоему, в их обороне нет уязвимых мест?

– Крейгдью – это остров, который расположен на западном побережье Шотландии, что говорит само за себя. Это бесплодный и безрадостный клочок земли, покрытый скалами и туманами. Замок графа достаточно укреплен. Но главное – то, что к острову можно подойти только со стороны единственной гавани, которая хорошо охраняется. – Он помолчал. – Могу я осведомиться, ваше величество, существует ли какая-то причина...

Елизавета его не слушала.

– А что он за человек?

– Опасный.

Она нетерпеливо повела рукой:

– Никому не внушающий опасений мужчина вообще не может считаться мужчиной. Меня интересуют другие его качества. Что ты еще можешь добавить к сказанному?

Перси никак не мог понять, чего же хочет от него Елизавета. Почти год тому назад она потребовала и получила об этом разбойнике самый подробный отчет из всех, какие ему доводилось делать о ком-либо. За последние три года он доставил ей сведения чуть ли не о дюжине самых разных мужчин. Чем-то граф – владелец Крейгдью – привлек ее внимание. И Перси ломал голову, пытаясь угадать, чем именно мог заинтересовать королеву этот варвар. Роберт Макдаррен не

пользовался влиянием при дворе короля Джеймса в Шотландии, равно как и при дворе Елизаветы в Англии. Конечно, его пиратские налеты на испанские каравеллы могли вызвать ее симпатию, Елизавета одобряла и даже поощряла тех, кто грабил корабли ее соперника Филиппа. Но Роберт Макдаррен плывал не под ее флагом.

– Ну же! – поторопила его Елизавета.

Перси постарался забыть о своей неприязни к этому графу-пирату и высказать все, что, по его мнению, заслуживало хоть малейшего упоминания:

– Он не глуп.

– Я бы сказала – умен, – поправила королева.

Он наклонил голову.

– Возможно.

– Не пытайся принизить его достоинства. За шесть месяцев он захватил четыре испанских галеона.

– Конечно, это может говорить о его способностях военачальника, но вовсе не означает, что он....

– Это блестящего ума человек, – повторила королева.

– Могу я напомнить вашему величеству, что он также захватил один из ваших кораблей?

– Что заставило его пойти на это?

– Золото.

Елизавета задумчиво посмотрела на своего советника.

– Ты весь ощетиливаешься, когда заговариваешь о нем. В чем дело? Чем-то он сильно задел тебя.

Перси поколебался немного.

– Он меня раздражает...

Королева молча ждала продолжения.

– Терпеть не могу этих необузданных горцев.

– И его в особенности?

Тут Перси прорвало.

– Суший варвар. Он не считается ни с кем и ни с чем. Не признает никого. Не уважает ничьих обычаев, кроме своих собственных. И... слишком много смеется.

Королева удивленно приподняла брови.

– Смеется?

– Ему кажутся смешными самые неподходящие вещи... – Перси не собирался признаваться Елизавете в том, как Макдаррен издевался над загнутыми вверх носками его бордовых туфель. – Все, что не соответствует его диким привычкам и вкусам.

– Например? – Королева окинула Перси быстрым взглядом: от его бархатной шапочки, украшенной алыми перьями, белого камзола с буфами, подчеркивавшими его почти женскую полноту в бедрах, и до пурпурных штанов с украшенными серебром подвязками. И вдруг усмехнулась. – Он что, потешался над тем, как ты выглядишь?

Перси покраснел. У Елизаветы была какая-то сверхъестественная интуиция.

– Вы хотите сказать, что находите мой наряд...

– Совершенно подходящим, для данной минуты, – успо-

каивающе заметила королева. – Ты знаешь, что я люблю, когда мои придворные одеты нарядно. Мой двор должен быть пышным. Но такой варвар, как Макдаррен, вряд ли способен оценить костюм придворного. – Она переменяла тему разговора: – Он был один, когда его схватили?

– Глава шотландского клана нигде не появляется один. По традиции его всегда сопровождает телохранитель. Нам пришлось взять в плен и его двоюродного брата Гэвина Гордона. – Перси пожал мечами. – К нашему удивлению, этот молодой человек довольно плохо справлялся со своими обязанностями. Капитан отряда сказал, что Макдаррену пришлось защищать и самого себя, и своего телохранителя. Гордона в схватке ранили.

– Но он жив?

– Потерял много крови. Но рана не смертельная. Он поправится.

– Хорошо. Он нам пригодится.

– Для чего?

– У варваров есть свои понятия о чести, о верности. Из твоего отчета нетрудно понять, что насколько глубоко Макдаррен умеет ненавидеть, настолько же сильно в нем развито чувство преданности своим людям. – Королева поднялась и поправила гофрированный воротник, украшавший ее платье. – Впрочем, скоро мы получим возможность убедиться в этом. Ты будешь сопровождать меня в Тауэр.

– Сейчас? В такое время? – Он посмотрел на нее широко

раскрытыми от удивления глазами. – Ваше величество, скоро полночь.

– Тем лучше. Я не хочу, чтобы, о моей встрече с ним судили на каждом лондонском перекрестке. Прикажи подать лодку.

– Может быть, все-таки лучше отложить на завтра?

– Нет, – отрезала она. – Делай, что я сказала. Мы и без того потеряли слишком много времени из-за вашей нерасторопности.

Перси опустил глаза, чтобы скрыть негодование. Королева рассуждала как женщина и не понимала всей трудности своего поручения. Что он мог сделать? Отправиться в море на поиски этого пирата, который охотился за испанскими кораблями?

Монтгрейв глубоко вздохнул и проговорил сквозь зубы:

– Слушаюсь, ваше величество, – поклонился и, пятясь, вышел из комнаты.

Елизавета некоторое время смотрела на захлопнувшуюся дверь, потом подошла к окну и остановилась перед ним, глядя в темноту. При всей своей заносчивости и напыщенности Перси очень даже не глуп. Ведь в конце концов ему удалось совершить почти невозможное – схватить этого неуловимого Макдаррена. В какой-то момент ей даже начало казаться, что задуманный план так и останется невыполненным.

Елизавета перевела взгляд на лежащий на письменном

столе указ и нахмурилась. Бумага лежала, дожидаясь ее подписи, и необходимость принять наконец решение тяжелым грузом лежала на сердце. Боже праведный, неужто нет другого выхода?

Она знала ответ.

Другого выхода не существовало. Они не оставят ее в покое.

Но прежде чем она уступит этим кровожадным пиявкам из парламента, ей надо привести в действие свой план...

Королева отвернулась от лежащего на столе указа, чувствуя, как надежда и уверенность вновь возвращаются к ней. Ей только надо выиграть предстоящее сражение с Макдарреном. Мысль об этом возбуждала ее. Судя по всему, он достойный противник. А ничто не доставляло Елизавете такого удовольствия, как возможность доказать незаурядному мужчине, насколько умнее может быть женщина.

Она отвернулась от окна и решительно направилась в гардеробную.

– Маргарет! Мой плащ!

– Это все из-за меня. – Гэвин печальным взглядом обвел тесную камеру и снова посмотрел на Роберта, который сидел на другом, таком же грубо сколоченном топчане. – Если бы не моя нерасторопность, нам удалось бы уйти...

Роберт зевнул.

– Верно. Ты никудышный телохранитель. И орудуешь ме-

чом, как метлой.

– Мне не стоило набиваться в сопровождающие. Джок не допустил бы, чтобы тебя схватили.

– Их было намного больше, чем нас.

– Тебе не впервой отбиваться от превосходящего числа противников. Если бы меня не ранили, ты бы сумел пробиться к выходу.

– Гэвин!

– Да?

– Ты мне надоел. Как телохранитель ты никуда не годишься – с этим я согласен. Но раньше с тобой, по крайней мере, не было скучно...

– Выходит, ты меня держал за шута?

Несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, братья росли вместе и, за исключением тех лет, что Роберт провел в Испании, никогда не разлучались. Их родным домом был Крейгдю, и эта общая любовь сближала их, как ничто другое.

– Хочешь пить?

– Немного, – отозвался Гэвин. На самом деле его давно мучила жажда, но он не знал, хватит ли у него сил подняться и набрать воды из кувшина, который стоял на столе в противоположном конце комнаты. Роберт и без того нянчился с ним все время их долгого пути из Эдинбурга: перевязывал, рану, смачивал и менял повязки на лбу, когда его трясла лихорадка, вытирал пот. Пора самому вставать на ноги.

– Лежи! Я сейчас принесу!

– Да нет, я сам уже могу ходить...

Роберт поднялся и, не слушая его, налил воды в кубок.

– Зачем ты согласился взять меня с собой в море вместо

Джока?

– Тебе же так хотелось увидеть все своими глазами.

– Да, наслушался рассказней о золоте, о славе...

– Золота хватило. – Роберт поднес кубок Гэвину. – А вот славного ничего не произошло. Так ведь?

Гэвин с жадностью припал губами к воде и долго, с наслаждением пил.

– Не думал, что придется проливать столько крови.

– А как можно захватить корабль, не пролив крови? Иначе и золота не видать. А ты сам понимаешь, как оно нужно для Крейгдю.

Гэвин прекрасно знал, сколько сделал Роберт для их скудного, сурового и неплодородного края.

Гэвин допил остаток воды.

– Как ты думаешь, они нас повесят?

– Вряд ли.

– Тогда зачем они схватили нас?

– Ты разве не слышал? Монтгрейв сказал, что королева хочет меня видеть.

– Говорил я тебе: не нападай на ее корабль.

– Думается, мы здесь по другой причине. Монтгрейв выполняет только особые поручения королевы.

– Особые? Ты догадываешься, что это может быть?

– У меня есть несколько предположений... Хочешь еще пить?

Юноша покачал головой.

– Тогда ложись. – Роберт с грубоватой нежностью заставил брата лечь и укрыл его одеялом.

Гэвин подумал, что еще несколько дней назад и представить себе не мог, насколько внимательным, нежным и заботливым может быть Роберт. Впрочем, нет. Неправда. Он помнил, что таким же добрым и внимательным брат был и в детстве. До отъезда в Испанию. Вернулся он оттуда совершенно другим. Жесткий, насмешливый человек по прозвищу Черный Роберт. Правитель Крейгдю, глава клана, вынужденный принимать подчас суровые и жестокие решения и делающий это без малейших колебаний. «Не то, что я», – уныло подумал Гэвин, вспомнив, как после первой своей битвы он стоял у борта, и его выворачивало наизнанку.

Роберт сидел на топчане, прислонившись спиной к стене, с отсутствующим видом. Казалось, что его совершенно не занимает происходящее и он просто отдыхает. Но Гэвин знал, что это впечатление обманчиво. Никто не может так быстро собраться, как Роберт, при малейшем намеке на опасность.

Гэвин снова не выдержал:

– Если она не собирается нас вешать, то...

– То мы найдем способ выбраться отсюда.

– Попытайся выбраться один. Я слишком слаб и буду тебе только помехой.

– Ты сильнее, чем сам думаешь.

Тон Роберта звучал настолько уверенно, что Гэвин почувствовал облегчение. Конечно, это очень благородно пожертвовать собой, но гораздо приятнее, когда жертву отвергают. Другого ответа он, собственно, и не ожидал. Роберт не мог оставить его в беде, как не оставил бы любого другого человека родом из Крейгдью. Роберт обязательно придумает, как им выбраться из ловушки. Он и не из таких передрыг выходил.

Перси распахнул дверь перед королевой, и она шагнула в мрачное, темное и сырое помещение. При свете свечи, которую держал Перси, она с трудом могла разглядеть две фигуры, застывшие одна против другой на грубых деревянных топчанах.

– Отведите Гордона в другое место, пусть он побудет там, пока мы не закончим разговор с графом, – приказал Монтгрейв сопровождавшему их тюремщику. – Ее величество желает говорить с его светлостью наедине.

Тюремщик грубо схватил Гэвина за плечо и толкнул его к двери.

– Полегче, болван! – резко сказал Роберт, спуская ноги с топчана. – Пусть он идет сам. Ты что, хочешь, чтобы рана снова начала кровоточить?!

Тюремщик ничего не ответил, но повел юношу, уже не толкая его. Королева искоса бросила взгляд на Гордона, но

успела заметить только копну взъерошенных рыжих волос, покрасневшие голубые глаза и густо покрытое веснушками мертвенно бледное лицо. «Боже, какой он юный, – подумала она. – Ему едва ли исполнилось двадцать лет. Странный выбор телохранителя для человека, прозванного Черным Робертом».

– Встань! – сказал Перси, ставя свечу на стол. – Ты что, не видишь, кто почтил тебя своим присутствием?

Темная фигура на топчане даже не шелохнулась. «Высокомерен», – подумала Елизавета. Что ж, эта его черта характера ее вполне устраивала.

– Оставь нас, Перси. – Елизавета шагнула вперед. – Вернешься, когда я позову.

– Но, ваше величество, – запротестовал было Перси. – Это небезопасно. Он может...

– Задушить меня? Чепуха! – усмехнулась она. – Может, он и варвар, но не дурак же. Ступай.

Перси еще немного поколебался, но все-таки вышел и закрыл за собой дверь.

– Теперь, когда он ушел, ты можешь без ущерба для своей гордости выказать мне подобающие знаки уважения, – заметила королева. – Сейчас уже незачем доказывать, что такому храбрецу, как ты, все на свете нипочем.

Наступило молчание. Потом Макдаррен усмехнулся.

– Добрый вечер, ваше величество. – Он встал и поклонился. – Простите, что я ошибся в своих суждениях. Мне каза-

лось, что вам по душе такие позы, как Монтгрейв.

Лицо Макдаррена оставалось в тени, и как королева ни всматривалась, она не могла различить его черты. Видно было только, насколько он высок и силен.

– Подойди ближе.

– Боюсь, что я не слишком хорошо выгляжу, не причесан и от меня дурно пахнет. Мне не хочется оскорблять ваши утонченные чувства.

Издевается. Елизавета подавила в себе вспышку гнева. Одна из причин, по которой она остановила свой выбор именно на Макдаррене, – полное его нежелание подчиняться кому-либо. И с этим надо мириться. Но все-таки следует его поставить на место.

– Мои чувства не настолько утонченные, чтобы я отказала себе в удовольствии понаблюдать за тем, как тебя будут наказывать за такую наглость. Эти стены видели, как ломали и более сильных людей. Подойди и дай мне разглядеть тебя.

Он выждал мгновение, а затем шагнул ближе, так что пламя стоявшей на столе свечи осветило его лицо.

Бог мой, да он даже красив!

Ей всегда нравились смуглые мужчины. Милый ее сердцу Робин – такой же темноволосый. Несомненно, правителю Крейгдюю эти черные волосы и брови вразлет над глубоко посаженными угольно-черными глазами достались в наследство от его матери – испанки. От нее же эта золотисто-смуглая кожа, высокие скулы и чувственно очерченный рот. Он

был высокий, хорошо сложенный, с развитыми мышцами, двигался легко и упруго. Эта неповторимая грация дикого зверя, сквозившая в каждом его жесте, невольно возбуждала ее. Для выполнения ее плана мужчине, на котором она остановила свой выбор, вовсе не требовалось быть красавцем. И все же Елизавете было приятно, что этот Макдаррен оказался так хорош собой.

– Вы не собираетесь ломать мне кости, – негромко сказал Роберт. – У вас на уме что-то совсем другое, не так ли, ваше величество?

Она настороженно посмотрела на него:

– Ты так считаешь? Должно быть, очень утешительно лелеять такого рода надежду, сидя в темнице.

Он улыбнулся.

– В этом вы правы, ваше величество.

Насмешливая улыбка была полна обаяния.

– Боюсь, что разочаровал вас, – продолжал он. – Наверное, вы считали, что я лежу здесь и трясусь от страха в ожидании своей участи.

– В этом не было бы ничего удивительного.

Роберт покачал головой:

– Даже в вашей темнице я не потерял способности логически мыслить. Если бы вы собирались убить меня, Монтгрейв вполне мог выполнить это поручение еще в Эдинбурге. Но вы для чего-то потребовали привезти меня в Лондон, хотя это доставило ему некоторые хлопоты и беспокойство.

– Это стоило жизни двум мои подданным.

– Однако вы не пожалели их, чтобы заполучить меня живым.

– А может быть, я хочу казнить тебя публично, в назидание другим пиратам?!

– Но ведь именно пираты пополняют сундук вашей казны за счет испанцев.

– Ты-то не пополнял мою казну. Все захваченное тобою золото – а его было немало – пошло на нужды Крейгдью. И к тому же ты грабишь не только испанцев. Не так давно у тебя хватило наглости напасть и на мой корабль.

– Неужели?

– И более того – заставить капитана поверить, что ты действуешь по приказу шотландского короля! Джеймс, как тебе известно, был отнюдь не в восторге, когда я отправила ему ноту протеста. Судя по всему, ему ни гроша не перепало.

Насмешливое выражение не покидало его лица.

– Я не говорил капитану, что следую приказу Джеймса. Он сам пришел к этой мысли.

Она не сдержалась и фыркнула.

– Не увиливай от ответа! Ты проявил удивительную осторожность в тот раз. Трофеи ты взял, но при этом никто из команды не пострадал. У меня создалось впечатление, что ты напал на корабль с одной-единственной целью: заставить меня поверить, будто Джеймс посмел оспорить мое преимущества на море.

Его глаза блеснули, но он поспешно опустил ресницы.

– А для чего?

– Именно это, между прочим, я и хочу выяснить. Тебе придется ответить еще на несколько моих вопросов.

– До чего же я не люблю вопросы...

Опять дерзит! Кажется, этот наглец вообразил, что ему все позволено. Елизавета решила пресечь это раз и навсегда.

– Юноша, которого отсюда увели, – твой родственник?

– Гэвин? – Улыбка тотчас исчезла с его лица. – Да, он мой кузен.

– Насколько я знаю шотландские обычаи, глава клана обязан защищать своих подданных, как отец. И если ты не хочешь, чтобы твой брат пережил весьма неприятные минуты, то будешь четко и ясно отвечать на мои вопросы.

Выражение, появившееся на его лице, заставило ее невольно отступить. Она испугалась! Это странное и давно забытое чувство даже возбудило ее. В течение многих лет ничто не давало повода для подобного острого ощущения. А полная безопасность приедается, как слишком пресная пища. Положение королевы служило надежной броней. Но Макдаррену наплевать на ее корону. «Опасный человек», – отозвался о нем Перси. Но, кажется, Роберт гораздо опаснее, чем это казалось Перси.

– Задавайте ваши вопросы, – холодно проговорил он.

– Почему ты напал на мой корабль?

– Вы и сами догадались. Чтобы досадить Джеймсу. Случай

представился сам собой, и я не стал упускать такой удачи.

– Но почему именно таким образом?

Он поколебался, а потом пожал плечами.

– Но у меня не было другой возможности вызвать ваш гнев против него. Влияние Джеймса растет с каждым днем. Все знают, что вы собираетесь объявить его наследником престола. А меня не устраивает вариант, при котором он станет не только королем Шотландии, но и Англии. Он терпеть не может горцев.

– И тебя в особенности.

Роберт кивнул.

– Да. И мы уже обменивались парой любезных выражений. Это все, что вы хотели узнать?

– Пока да.

– Но вам нужны не просто сведения. – Он открыто встретил взгляд королевы. – Вы хотите, чтобы я что-то сделал.

Он угадал. Но вот цель ему, конечно, оставалась неизвестной. Елизавете стало интересно, к каким выводам он мог прийти?

– И что же, как тебе казалось, я потребую?

– Убийство.

Он внимательно следил за выражением ее лица.

– Убийство? Кого?

– Джеймса.

Она с еще большим удивлением посмотрела на него.

– Ты решил, что я выбрала тебя для того, чтобы с твоей

помощью убрать монарха?

– Почему бы и нет? Я – шотландец, а не англичанин. Всем известно, что я терпеть не могу Джеймса. Это сразу отведет от вас всякие подозрения. Более двадцати лет вы держите в заточении его мать Марию Стюарт – из опасения, что она будет претендовать на английский престол. Ходят слухи, что парламент обратился к вам с просьбой прекратить ее заточение... казнив Марию.

– Она вступила в сговор с моими врагами и покушается на мою жизнь, – быстро парировала Елизавета.

– Но если Мария Шотландская умрет и кто-то устранил Джеймса, в Шотландии воцарится хаос. Это даст вам подходящий повод вмешаться и навести порядок. Таким образом, – закончил Роберт, – Шотландия будет подана вам на блюде, как рождественский гусь.

Он действительно умен. Если бы сейчас сложилась такая же ситуация, какая возникла пятнадцать лет назад, ей ничего бы не оставалось, как потребовать у него исполнения только что изложенного плана.

– Многие годы я всеми силами старалась отсрочить казнь Марии, несмотря на постоянные угрозы с ее стороны. – Она стукнула кулаком по столу. – У меня нет никакого желания убивать ее. Она королева. А жизнь монархов священна. Если сегодня я отниму жизнь у нее, то завтра другому королю может прийти в голову мысль о том, что он имеет право покуиться и на мою жизнь тоже. Ее казнь создаст такую же

опасность и для меня самой.

– И все-таки вы подпишете указ, утвердив решение парламента?

Она не ответила прямо на его вопрос.

– Я не хочу, чтобы Мария умерла, – проговорила Елизавета, отводя взгляд от него. – А если бы решилась уничтожить Джеймса, то свершила бы это на поле боя, а не с помощью наемного убийцы. Ты в своих рассуждениях пошел по неверному пути.

– Тогда что же вы хотите от меня?

– Ты мне нужен как жених.

Несколько секунд Макдаррен ошеломленно смотрел на нее, потом откинул голову и расхохотался.

– Бог мой! Вы что, делаете мне предложение? Королева-девственница, отказавшая чуть ли не половине королев Европы? – Он отвесил глубокий поклон. – Я принимаю ваше предложение. И когда же день свадьбы, ваше величество?

– Ты, конечно, сразу догадался, что я имею в виду не себя, – сухо отрезала королева. – Твоя наглость переходит все границы.

Он схватился за сердце.

– Какой удар! И в тот самый момент, когда я подумал, что счастье пришло ко мне.

Елизавета с удивлением отметила еще одно новое свойство его характера – жизнерадостность. Мрачное и угрюмое выражение исчезло. Лицо его осветила озорная усмешка.

Елизавета с трудом смогла подавить улыбку.

– Перси прав... Ты негодяй. Но раз ты с такой готовностью собираешься идти под венец, то знай, что невеста для тебя уже есть.

– А вот с этим я не согласен. Либо вы, либо никто.

– А я боюсь, что в таком случае ты можешь навсегда лишиться своего телохранителя.

При этой угрозе прежнее холодное выражение снова появилось на его лице.

– У меня нет желания жениться по вашему приказанию.

– Ты не выразил желания жениться и на тех девушках, что предлагал Джеймс.

– Потому что таким образом он собирался наложить лапу на Крейгдюю. И все из-за того, что нам удалось наладить торговые отношения с Ирландией. Иронически улыбнувшись, он посмотрел на нее. – Впрочем, и вам, ваше величество, это, видимо, не по душе.

– Мне нет никакого дела до вашей торговли с Ирландией.

Роберт недоверчиво покачал головой.

– Тогда зачем же вы хотите женить меня на вашей придворной даме?

– Эта девушка не входит в число моих придворных. Она живет совсем в другом месте. Ее зовут Кэтрин Анна Кентайр. Ей исполнилось семнадцать. Она здорова. Получила хорошее образование и довольно привлекательна. Хотя она благородных кровей, у нее нет титула – девушка незаконно-

рожденная. Ты увезешь ее из Англии. И больше она не должна здесь появляться. – Голос королевы стал еще резче. – Конечно, никакого приданого ты за нее не получишь. Если не считать того, что сохранишь голову на плечах. Свадьба со-стоится...

– В каком месте она живет? – Взгляд Макдаррена впился в лицо Елизаветы.

– В Шеффилде, – нехотя отозвалась она.

– Земли Шрюсберри... – Он продолжал сверлить ее взглядом. И она почти физически ощущала движение его мыслей. Наконец логическая цепочка выстроилась в нужном порядке, и Роберт присвистнул от неожиданности. – Бог мой! Так это правда?

– Не понимаю, о чем ты?

– Что у Марии родился там ребенок.

Королева молча смотрела на него.

– До меня доходили слухи, которые распускала Бесс Шрюсберри. – Роберт сел на топчан и прислонился к каменной стене. – Многие в Шотландии находили это скандальное происшествие весьма забавным.

– Я не давала тебе разрешения сидеть в моем присутствии.

Он не обратил никакого внимания на ее слова. Его взгляд не отрывался от лица Елизаветы.

– Дочь королевы Марии?

– Всем известно, что у Марии был только один ребенок.

И он сейчас сидит на шотландском троне.

– Но Бесс Шрюсберри утверждала другое. Она обвиняла своего супруга в том, что он не терял зря времени, пока Мария была вынуждена жить в затворничестве у них в замке. По вашему приказу она провела в их поместье немало лет. И Бесс Шрюсберри уверяла, что у Марии от ее супруга родилось двое детей.

– Бесс Шрюсберри – тщеславная глупая женщина. Я запретила ей распространять подобного рода слухи. Граф Шрюсберри самоотверженно выполнял мой приказ содержать Марию в достойном ее звания месте. Он – мой верный слуга.

– А Мария – красивая молодая женщина. Эгоистичная, умная, одинокая... страстная женщина, которая на долгие годы лишилась возможности общаться с кем-либо. Вполне естественно, что она пустила в ход все свое обаяние, чтобы покорить единственного мужчину, который находился рядом с нею. У них была только одна дочь или кто-нибудь еще?

– Я же тебе сказала, что Бесс – лгунья.

– Значит, только одна дочь... Но этого более чем достаточно, – продолжал он размышлять вслух. Вы не хотите огласки.

– Это все пустые домыслы.

– Всего лишь предположения. Итак, представим, что девушка – незаконная дочь королевы Шотландии.

– Мария уже не королева. Она отреклась от трона в пользу своего сына.

– Но Джеймс никогда не пользовался популярностью у на-

рода. Появись сейчас новый претендент на престол, многие знатные семейства Шотландии охотно встали бы под его знамена, сплотив свои ряды. А вам не нравится эта идея, не так ли, ваше величество?

Елизавета убедилась, сколь быстро умеет Макдаррен сопоставлять разного рода факты и делать соответствующие выводы. Пожалуй, он даже более проницателен, чем ей бы хотелось.

– Девушке всего семнадцать лет, и она не представляет никакой реальной угрозы.

– Вам было немногим больше, когда вы взошли на трон, и вас называли молодой львицей.

Воспоминания о тех годах всколыхнули в ней чувство гордости за себя:

– Да, моим противникам пришлось нелегко. Когда я вонзила в них свои когти, они поняли, что женщина может... – Она пожала плечами. – Но я – редкий случай. Неужели ты считаешь, что меня испугает эта наивная девочка, не имеющая никакого понятия о дворцовых интригах?

– И все-таки какие-то опасения вас гложут. Иначе меня здесь не было бы.

– Мне не хочется, чтобы девушка стала игрушкой в руках людей, рвущихся к власти. Вот почему я считаю, что самое разумное – увезти ее из Англии.

– Вы хотите переправить ее в Шотландию. Где Джеймс не захочет терпеть рядом с собой соперницу и постарается

избавиться от нее, сняв с ваших плеч эту почетную обязанность?

– Нет! – Она пыталась умерить резкость тона. – Я посылаю ее не в Шотландию. Я отправляю ее собой в Крейгдю. Ты женишься на ней, отвезешь на остров, и она будет вне пределов досягаемости для властолюбцев.

– В самом деле?

– О девушке уже стали просачиваться всевозможные слухи. Если кто-то дознается до истины... Нет, ее надо отвезти как можно быстрее.

– Но почему выбор пал на меня?

– Потому что ты более всего подходишь для этого. Мой выбор – не случайная прихоть. Три года я искала достойного претендента. И не нашла никого лучше тебя. Ты ненавидишь испанцев, поэтому не убежишь вместе с ней к Филиппу. В твоих жилах течет достаточно благородная кровь. Ты блестящий военачальник. И самое главное – ты любишь свой остров и не рвешься к власти за пределами своей родины. Меня это вполне устраивает. Значит, ты не станешь использовать девушку для того, чтобы захватить корону. – Она нахмурилась. – Но тебе придется прекратить нападать на испанские корабли. Если тебя убьют, девушка останется без надежной защиты.

– Да, конечно, в таком случае моя смерть доставит вам некоторые неудобства, – иронически заметил он. – И все же, хоть мне и неприятно отвечать вам отказом, скажу сразу: я

не собираюсь жениться. А если когда-нибудь и решусь пойти на такой шаг, то моей невестой будет девушка, которая принесет с собой на Крейгдью что-нибудь иное, нежели постоянные опасности и угрозу кровопролития.

– Раньше ты не питал особого отвращения к кровопролитию.

– Потому что я сражался за Крейгдью. Я не собираюсь биться за чужие короны. И на вашей стороне тоже, ваше величество.

– Так же, как и на стороне Джеймса. – Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

– Да, – ответил он.

– Вот и хорошо. Значит, девушка, оказавшись на острове, будет в полной безопасности. Никто не сможет использовать ее в своих целях.

– Наверное, я не очень ясно выразился. Я не собираюсь жениться на ней.

– У тебя нет выбора. – Елизавета помолчала. – Иначе я повешу твоего телохранителя, а потом прикажу разрезать его тело на такие мелкие кусочки, что не останется ничего, что можно будет похоронить в драгоценном Крейгдью.

– Не слышал, чтобы вы убивали ни в чем неповинных людей, только чтобы добиться осуществления своей воли.

– Девушка тоже не виновата ни в чем. И я не позволю, чтобы за ней начали охотиться. Я надеялась, что она еще какое-то время сможет тихо и спокойно прожить в Шеффилде.

Но обстоятельства изменились. Я больше не могу откладывать... – Она запнулась. – Ты должен обещать мне немедленно увезти ее из Англии.

– Вы рассчитываете на то, что я исполню слово, которое вынужден был дать под угрозой?

– Да. Перси сказал мне, что клятва, данная горцем, – священна. Ты дашь мне слово, что женишься на ней и отвезешь ее в Крейгдью.

Роберт молчал.

– Не заставляй меня быть излишне жестокой. Мне не хочется убивать твоего телохранителя. И без того вокруг столько смертей, – добавила Елизавета устало.

Он продолжал молчать. Его взгляд по-прежнему не отрывался от ее лица в надежде уловить хотя бы малейший проблеск слабости. Но Елизавета была непреклонна.

И тогда Роберт, пробормотав какое-то ругательство пошотландски, процедил сквозь зубы:

– Ладно, я даю вам обещание.

– Ты должен полностью произнести всю фразу.

Ледяным тоном он проговорил:

– Обещаю жениться на этой девушке и увезти ее в Крейгдью.

Елизавета почувствовала себя так, словно гора свалилась с ее плеч. Она добилась того, чего хотела.

– Прекрасно. Вас освободят на рассвете, вернут кошельки и лошадей. И ты сразу же двинешься прямо в Шеффилд.

Девушка живет в доме неподалеку от деревни. Она находится на попечении викария и его добрейшей жены. Себастьян Лендфилд слывет весьма набожным человеком. Последние тринадцать лет он посвятил воспитанию Кэтрин. Перси вручит тебе письмо, в котором я сообщу викарию, что он может не беспокоиться о ее судьбе и что дальнейшая забота о ней возлагается на тебя. Девушка не доставит тебе никаких хлопот. Викарий в письмах заверял меня, что это кроткое, добродетельное создание, воспитанное в духе истинного протестантизма. – Елизавета двинулась к двери. – Ваша светлость, это было самое разумное решение.

– Но принял его не я, а вы. – Он медленно поднялся. – А когда мне приходится соглашаться с чужим выбором, это... вызывает у меня раздражение.

Роберт солгал. Он испытывал не просто раздражение. Его охватило холодное бешенство. И Елизавета снова почувствовала, как у нее заныло под ложечкой. Она выиграла, но что-то мешало ей сполна насладиться своей победой. Какая жалость! В мире так мало достойных, интересных мужчин, а ей, скорее всего, уже не придется больше никогда свидеться с ним. Она приносит его в жертву ради этой девушки.

– В любом сражении есть победитель и побежденный.

– Но вы еще не выиграли битву, ваше величество.

– Ты дал клятву.

Странное выражение мелькнуло в его глазах.

– Да. Я дал слово.

– Значит, я выиграла. – Ее губы изогнула тонкая усмешка. – Помни: отныне ты ее защитник и покровитель. Если я услышу о том, что ты плохо обращаешься со своей женой, то пошлю в Крейгдью весь мой флот, чтобы наказать тебя. – Подойдя к двери, она обернулась и увидела, что в его взгляде сквозит не только гнев, но и непоколебимая решимость.

Без сомнения, Макдаррен не собирался смириться с ролью побежденного. Может, она и не права. Может быть, их пути еще пересекутся? И эта мысль не показалась Елизавете неприятной. На прощание она улыбнулась ему.

– Жених? – пробормотал Гэвин. – Потрясающе! Я уже вижу тебя сидящим у домашнего очага, а жена хлопчет рядом, шьет...

– Рад, что тебя это забавляет, – мрачно перебил его Роберт. – Но, наверное, мне следовало бы позволить Елизавете разрезать тебя на мелкие кусочки.

Гэвин покачал головой.

– Какая кошмарная идея. Давай не будем возвращаться к ней, а то у меня мурашки по коже бегут. Я в самом деле рад, что ты женишься и остепенишься. Мне надоели эти бесконечные походы.

– Тогда женись сам и сиди дома.

– Но никто и не подумал устроить мне свадьбу.

Увидев, что глаза Роберта загорелись яростью, Гэвин тотчас переменял тему:

– А почему королева потребовала, чтобы мы сломя голову скакали в Шеффилд? Отчего она так спешит?

Роберт помолчал, но, видимо, он уже давно дал себе ответ на этот вопрос.

– Это из-за Марии. Она вынуждена дать согласие...

– ...и подписать указ о ее казни? Но ей столько времени удавалось оттягивать решение этого вопроса.

Роберт вспомнил слова Елизаветы о том, что она не желает смерти Марии Стюарт. Но он также давал себе отчет в том, что желание и необходимость не всегда идут в ногу. Многие решения, которые он был вынужден принимать как глава клана, не совпадали с его собственными желаниями. Та поспешность, с которой Елизавете хотелось как можно быстрее выдворить девушку за пределы Англии, говорила о том, что решение уже принято.

– Я уверен, что она либо подписала указ, либо дала устное согласие. Скорее всего, казнь Марии состоится в ближайшие дни.

– Значит, она испытывает угрызения совести и хочет, чтобы девушка находилась где-нибудь подальше, когда это случится... Какое милосердие. – Гэвин покачал головой. – Как ты считаешь, не возникнут ли для Крейгдю какие-то новые сложности из-за твоей женитьбы?

– Я не позволю, чтобы это произошло.

– Как мухи слетаются на мед, так и всевозможные трудности возникают там, где появляются особы королевских кро-

вей.

– Я не допущу этого, – отчеканил Роберт.

– Ты сердишься...

– Еще как!

– И все же ты выполнишь обещание.

– Да. Но не так, как она рассчитывала...

– Чувствую, что нам предстоит пережить нечто интересное. – Гэвин перевернулся на другой бок. – Ну до чего же здесь холодно.

Роберт приподнялся на локте.

– Совсем недавно ты жаловался, что тебе жарко. У тебя лихорадка?

– Не думаю, – уклончиво ответил Гэвин.

Роберт, выругавшись, поднялся со своего топчана и укрыл Гэвина вторым одеялом.

– Не ври. Мало того, что мне придется тащить женщину через перевалы в зимнее время. Неужто ты хочешь, чтобы я взвалил себе на плечи еще и тебя?

– Совсем не хочу, – засмеялся Гэвин. – Поэтому придется сегодня жениху смириться с некоторыми неудобствами. Но брачное ложе, которое ожидает впереди...

– Гэвин!

Гэвин снова тихонько засмеялся и замолчал.

А Роберт сел на топчане и закрыл глаза. Хорошо, что чувство вины и состояние подавленности, в которое впал Гэвин после своего ранения, отступили и к нему вернулись его

прежнее чувство юмора и жизнерадостность. В другое время Роберт только порадовался бы такой перемене, но не сейчас. Больше всего ему хотелось что-нибудь разбить, разнести в щепки и добраться до этой рыжей суки, которая так ловко накинула сеть и втянула его в свои интриги. Но она ошибается, считая, что дело закончилось ее победой. Жениться на дочери Марии – означает поставить под угрозу единственное, чем он более всего дорожил на белом свете, – Крейгдью. И он не позволит превратить его в поле битвы для тех, кто уже навязал кровопролитные сражения Англии и Шотландии. Пусть они поубивают друг друга, доказывая, чья религия лучше и кто более достоин трона. Чем меньше останется этих жадных властолюбцев, тем более независимым и могущественным станет Крейгдью.

И он добьется того, что Крейгдью будет процветать.

Он уже почти засыпал, когда Гэвин пробормотал сквозь сон:

– Хочешь, я сыграю на волынке в день твоей свадьбы? Конечно, волынка более пригодна в дни битв, но сражение на ложе любви...

– Обойдемся без твоей волынки.

– А, может, я...

– Гэвин, спать! Завтра нам вставать на рассвете.

2

– Мужа нет дома, – буркнула Марта Лендфилд, едва приоткрыв дверь. – Зайдите завтра. Может быть, вы и застанете его.

– Завтра?! Завтра я уже буду на полпути в Шотландию, – ответил Роберт. – Где его искать?

– Не знаю, – отрезала Марта. – А что у вас за дело?

– Оно касается вашего мужа. – Грубость женщины начала раздражать Роберта. Его вообще выводило из себя все, что было связано с этим делом. Они с Гэвином выехали из Лондона рано утром и галопом мчались под проливным ледяным дождем, пока не прибыли на место. Гэвин побледнел и дрожал от слабости, как щенок, а теперь еще эта карга держит их под дождем на пороге дома! – Мне надо увидеться с викарием сегодня же! Мой друг нездоров. Можно, он побудет здесь, пока я поищу вашего мужа?

Женщина начала закрывать дверь.

Роберт выругался, сунул сапог в щель, не давая ей приотворить дверь, и рванул ручку на себя.

– Мадам, вы, видимо, меня не поняли, – сказал он негромко, но в голосе прозвучали угрожающие нотки. – Я сейчас отправляюсь на поиски вашего мужа, а этот юноша будет ждать моего возвращения здесь, в вашем доме.

Гэвин поморщился.

– Уж лучше я пойду с тобой.

Роберт не обратил ни малейшего внимания на его слова.

– Вы посадите его в кресло у огня и дадите выпить чего-нибудь горячего. И не забудьте при этом улыбнуться.

– Улыбнуться? – Гэвин с сомнением посмотрел на покрасневшее от негодования лицо женщины. – Да она скорее подсыплет мне в питье крысиной отравы. Нет, я не настолько слаб, чтобы...

– Помолчи, – Роберт легонько толкнул его внутрь и еще раз пристально взглянул на женщину. – Вы все поняли?

– Да как вы смеете... – возмущенно начала она, но, столкнувшись с его взглядом, внезапно смолкла. Выражение ее лица изменилось, и она неохотно выдавила из себя: – Пусть побудет здесь.

– И вот еще что. У вас на попечении находится Кэтрин Кентайр. В мое отсутствие пусть она соберет свои вещи в дорогу.

– Кэтрин? – Жена викария была в полном недоумении. – А каким образом?.. – Она снова оборвала себя. – Вы от леди?

– Леди?

– Королевы? Вы прибыли по ее распоряжению?

Роберт криво улыбнулся.

– Если вам хочется употребить именно такое выражение, то да. По ее распоряжению.

– И вы хотите забрать девушку?

Роберт кивнул.

Казалось, эта новость растопила корку льда.

– Мужу это... будет не по душе. Но, – быстро добавила она, – ему ведь придется подчиниться?

– Мы все обязаны подчиняться приказам королевы, – с тем же едким выражением заметил Роберт. – Предупредите девушку. Пусть она соберет вещи к моему возвращению.

– Дело в том, что ее нет. – Марта Лендфилд нахмурилась. – Муж как раз отправился на ее поиски.

– Что?

– Это из-за коня, – торопливо проговорила женщина. – Из-за этой старой клячи. Я с самого начала была против того, чтобы Кейт каталась на нем.

– Причем здесь конь?!

Жена Лендфилда нетерпеливо махнула рукой.

– Впрочем, сейчас не до него. Эта своенравная упрямица сбежала два дня назад.

«Своенравная упрямица? А королева уверяла, что это кроткая, добропорядочная девушка, – хмуро подумал Роберт. – Но скромные девушки не убегают из дома Бог знает куда. Судя по всему, Елизавета подсунула ему столь же испорченную и неуправляемую девицу, какой была и ее мать».

– И куда же ваш муж отправился ее искать?

– В лес. Он считает, что она прячется там. В прошлый раз ее поймали на дороге. Себастьян решил, что на этот раз она будет прятаться где-нибудь в чаще. На Вороном далеко не ускачешь. – Она удовлетворенно улыбнулась. – Себастьян

вырос здесь и знает каждый кустик. Он найдет ее.

– В какую сторону он направился?

Женщина указала на север.

– Как выглядит викарий?

– Худой. Высокий... У него седые волосы. И на нем теплый серый плащ.

– Соберите сами ее вещи, – распорядился Роберт, вскакивая в седло. Через минуту его конь скрылся из глаз.

– Где он? Ответь мне, – повторял Себастьян, стягивая веревкой руки Кейт. – Все равно я найду его. Почему ты заставляешь всех мучиться? Ты дрожишь от холода, наверняка проголодалась...

Девушка молчала. «Господи! – ругала она себя. – Ну можно ли быть такой глупой». И зачем только она остановилась. Ведь знала же, что единственная надежда убежать от Себастьяна, который знал в этом лесу все тропинки, – не останавливаться. Какой бы она ни была уставшей и измученной, нельзя было давать себе передышку.

– Коня нелегко спрятать в лесу – он слишком большой и неуклюжий. И ты знаешь, что я всегда добиваюсь своего. Я найду его, Кейт.

– Не найдете! Ни за что!

– Я не найду, так звери набредут. Вороной стар, у него не хватит сил отбиваться от волков. Разве лучше, если его растерзают дикие звери?

Мысль об этом заставила Кейт вздрогнуть. О хищниках она почему-то не подумала. Себастьян умело нанес удар в самое больное место. Но она так хорошо запрятала Вороного и оставила такой большой запас сена! На первое время еды хватит. А потом она снова сумеет вырваться...

– Он в полной безопасности. С ним ничего не случится.

– До чего же ты упряма! И как глубоко погрязла в пороке!

– Себастьян взобрался на лошадь и привязал веревку к седлу. – Передумаешь, позовешь меня, – и он тронул лошадь.

Веревка натянулась, как только лошадь сделала первый шаг по тропинке.

Кейт шагнула вперед следом за ней, понимая, что веревка врежется в кисти рук, если она останется стоять. Ветви деревьев и кустарников хлестали ее со всех сторон, но Кейт не обращала внимания на это. До дома викария около трех миль. И ей надо удержаться на ногах все это время. Кейт знала, что, если она не удержится и упадет, Себастьян не остановится. Он будет тащить ее за собой по лесу до самого дома.

– Ты не права, и сама знаешь это, – Себастьян повернулся в седле, глядя на нее. – Но грех затмил твой разум. – И он пустил лошадь легкой рысью.

Веревка натянулась, больно врезаясь в кожу.

Надо удержаться на ногах. Только бы не упасть!

Кейт, спотыкаясь, побежала вперед. Ноги дрожали, ее шатало из стороны в сторону, но пока ей все же удавалось удержаться. Пока.

– Ответь, где ты спрятала Вороного?

Сквозь пелену охватившей ее боли слова Себастьяна доносились, будто из тумана. Грубая веревка уже содрала кожу, на запястьях показалась кровь.

Еще шаг. Еще один!

Только бы не упасть!

Найти викария оказалось легче, чем думал Роберт. Серый плащ. Безжизненное, ничего не выражающее лицо аскета. Оно сразу вызвало у Роберта неприятное воспоминание о священниках в замке дона Диего.

– Себастьян Лендфилд? – Роберт повернул коня навстречу человеку, выехавшему из лесной чащи. Он тащил за собой на веревке нечто, похожее на сломанное деревце.

Себастьян Лендфилд выжидающе выпрямился в седле при виде подъехавшего к нему всадника.

– Да, я Себастьян Лендфилд. А вы кто такой?

– Роберт Макдаррен, граф Крейгдью. У меня для вас письмо от ее величества.

– Вы от королевы? – Себастьян с непонятным смущением оглянулся на веревку, которая тянулась вслед за его лошастью. – Я не ожидал от нее послания.

– Я тоже не думал, что мне придется доставить его вам. – Поравнявшись с ним, Роберт вытащил конверт и протянул его Лендфилду. – И уж, конечно, никак не предполагал, что мне придется разыскивать вас в лесу...

Непонятный предмет, привязанный к веревке, вдруг слабо шевельнулся. Это было явно не деревце. Роберт спрыгнул с лошади.

– Черт побери, что это такое?

– Девушке это не причинит никакого вреда, – быстро проговорил викарий. – С ней все в порядке.

– Девушке?! – Роберт прошел вперед, опустился на колени и перевернул безжизненное тело.

Тоненькая, хрупкая фигурка выглядела почти детской. Содранная грубой веревкой кожа на связанных запястьях кровоточила. Он убрал длинные мокрые пряди волос. Половина лица испачкана грязью. Возле виска ссадина. Но других ран нет. Просто девушка находилась в глубоком обмороке.

– Это наказание за ее прегрешения, – спокойно проговорил Лендфилд и, немного поколебавшись, продолжил: – Боюсь, королева может этого не понять. Не стоит сообщать ее величеству о...

– Я и не собираюсь ничего сообщать ей.

Роберт вынул кинжал и перерезал веревки, связывающие кисти.

– Это и есть ваша подопечная? Я правильно понял? Кэтрин Кентайр?

– Она самая.

Роберт поднял девушку на руки. Даже в грязной мокрой одежде она была легкая, как пушинка, он не почувствовал веса ее тела. Прилив ярости охватил его. Ему и самому не раз

приходилось прибегать к насилию. Оно неизбежно в этом мире. Но он не понимал, как можно проявлять такую жестокость к незащищенному существу? Чтобы там ни натворила эта несчастная, подобного наказания она не заслужила.

– Наверное, для вас будет большой радостью узнать, что вам более не придется заботиться о ней.

– Что вы сказали? – Викарий почти с ужасом посмотрел на Роберта. – Из-за такого пустяка? Молодых девиц нельзя наказывать. Их природа такова, что...

– Прочтите письмо. – Роберт подошел к коню, с трудом взобрался на него, не выпуская девушку из рук, и усадил ее перед собой. – Увидимся в доме.

– Кто вы? – Вопрос прозвучал как тихий, едва уловимый вздох.

Прямо на Роберта смотрели огромные печальные глаза – скорее золотистые, чем карие.

– Не бойся. Я отвезу тебя домой.

– У меня нет... дома. – Несмотря на то, что голос звучал едва слышно, она произнесла эти слова решительно и отчаянно. Потом ресницы снова медленно опустились. – И я... не боюсь. Вы не... – Она снова потеряла сознание.

«Что «не»? – мельком подумал он. – Не Себастьян Лендфилд? Не тот, кто с такой жестокостью обращался с ней?» Волна ярости снова окатила Роберта.

Пуская лошадь галопом вперед, он с невольной нежностью прижал к себе худенькое тело.

– Где ее можно уложить? – спросил Роберт, входя в дом.

– Куда делся мой муж? – воскликнула Марта.

– Едет следом. Так куда ее положить?

Она кивнула в сторону лестницы.

– Ее комната наверху.

– Согрейте воды, поднимитесь и переоденьте ее, – приказал Роберт, направляясь к лестнице.

– Это и есть невеста? – Гэвин вышел из комнаты в холл и остановился у перил. – Что с ней? Она ушиблась?

– Лендфилд уверял, что она в полном порядке, – ответил Роберт, шагая по ступенькам наверх. – Он тащил ее за собой на веревке через лес. И считает, что ей это не причинило особого вреда.

Гэвин двинулся следом.

– Судя по всему, викарий столь же добр и обходителен, как и его жена.

Роберт молча прошел в комнату со своей хрупкой ношей и осторожно положил девушку на узкую кровать.

– Мы остаемся здесь ночевать? – спросил Гэвин.

– Дело идет к вечеру. Надо подождать, пока она немного придет в себя и сможет усидеть в седле. Тронемся в путь завтра на рассвете.

Гэвин с сомнением посмотрел на бледное лицо на подушке.

– Боюсь, одного дня будет маловато. Выглядит она неваж-

но. Ты уверен, что ей не нужен лекарь?

– Переломов у нее нет. На какое-то мгновение она уже приходила в себя. – Роберт снял с нее покрытые грязью туфли и стянул мокрые насквозь чулки. То и другое он бросил на пол. – Надеюсь, выдержит.

Гэвин по-прежнему не отрывал взгляда от этого удивительного лица.

– Как тебе кажется, она похожа на Марию Стюарт?

– Откуда мне знать? Я ни разу не видел ее.

– Мне однажды в руки попался ее портрет. Ну и потом о ней столько рассказывали, описывали, как она выглядит. – Гэвин задумчиво покачал головой. Так вот она какая – невеста Роберта: тонкие черты лица, прозрачная кожа, плавный изгиб бровей, красиво очерченный рот... – А какого цвета у нее глаза?

Какого же цвета были эти глаза, смотревшие на него с такой надеждой?

– Карие.

– Как и у матери. Только у твоей нареченной не такие правильные черты. До Марии ей далеко. Она не так хороша, как мать.

– Может, она пошла в отца. А Шрюсберри никто не осмелился бы назвать Адонисом.

Да где же эта чертова баба с горячей водой? У девушки ноги, как лед.

– Вполне возможно. – В глазах Гэвина мелькнули лукавые

искорки. – Зря я надеялся, что тебе достанется нечто получше. Правда, она еще совсем ребенок. С годами девочки иной раз хорошеют. Не могу смириться с мыслью, что у тебя будет некрасивая жена.

Роберт бросил на брата уничтожающий взгляд.

– Ступай вниз и сядь к огню.

– Отсылаешь меня к этой ведьме? – вздохнул Гэвин и шагнул к двери. – Ну ладно, иду.

– И не пускай Лендфилда наверх, – крикнул ему вслед Роберт.

– Вряд ли он осмелится сделать ей что-нибудь худое, пока ты здесь, – ответил Гэвин, прикрывая за собой дверь.

Роберта беспокоило не это. Он не ручался, что не проткнет викария насквозь, если тот подойдет к нему. В гневе он иной раз не помнил себя. Хотя непонятно, почему это его так возмутило. Опекуну вправе наказывать своих подопечных за разного рода провинности. И что значит для Роберта эта девушка!

Нет, неверно. Она станет его женой. До сих пор Роберт думал о ней как о некоей условной фигуре, которую приходилось принимать в расчет при составлении планов на будущее. Теперь она обрела плоть и кровь. И она принадлежит ему. Пусть и не надолго, как решил Роберт, но все же принадлежит ему.

Нежным движением он отвел прядь грязных волос с ее щеки.

Никто не смеет причинить хоть малейший вред тому, что принадлежит Роберту.

Кейт медленно открыла глаза и увидела склонившегося над ней мужчину. Черные глаза... высокие скулы, чувственные губы, к которым ей захотелось прикоснуться. Странно. До сих пор еще ни один мужчина не вызывал у нее желания дотронуться до него...

Безопасность. Покой. Дом.

Охватившее ее чувство возникло ниоткуда. Но почему-то показалось странно знакомым, словно всплыло давнее полузабытое воспоминание о чем-то теплом и радостном. Где-то она уже видела этого человека.

Внешне он напоминал ей одного из тех цыган, которые иной раз проезжали через деревню. Только он был гораздо лучше одет. Черный бархатный камзол подчеркивал блеск большого круглого медальона, висевшего на тяжелой золотой цепи. Таким же элегантным – хоть и простого покроя – был и его плащ с капюшоном.

– Кто?.. – Голос был таким слабым, что она и сама едва услышала его. Тогда она повторила снова: – Кто вы?

– Роберт Макдаррен.

В интонациях его низкого голоса слышался шотландский выговор.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Лжешь, – твердо сказал он. – Ты в грязи с головы до ног. И у тебя, наверное, все тело в синяках.

Резкость тона незнакомца подействовала на нее отрезвляюще. Кейт мгновенно пришла в себя. Исчезло так внезапно появившееся чувство спокойствия. Должно быть, она с ума сошла! Откуда у нее могло возникнуть ощущение покоя при виде такого человека твердого, решительного и безжалостного. Сознание полностью вернулось к ней. Тропинка. Она видела его на тропинке.

– Что вы здесь делаете? Вы лекарь?

Он покачал головой.

Нет, конечно, меньше всего он был похож на лекаря. Тогда кто же? Себастьян даже на порог не пускал посторонних.

– Я граф Крейгдью. Прибыл по поручению королевы.

– Госпожи?

Еще один посланник. Теперь понятно, почему он так богато одет и почему держится так уверенно.

Его черные глаза внимательно смотрели на нее.

– Почему ты ее так называешь?

Кейт в замешательстве смотрела на него. Другим посланцам не приходилось объяснять таких простых вещей. Они всегда так строили фразы, что нельзя было догадаться, чье поручение они выполняют.

– Потому что никто не должен знать об этом.

Он сжал губы.

– Понятно. И то, как обращался с тобой Лендфилд, тоже

никто не должен был знать? Уверен, что...

– Роберт, тебе придется спуститься вниз, поговорить с ним.

Кейт перевела взгляд на человека, который появился в дверях. Рыжеватые кудри, веснушки. Похоже, он не намного старше ее. Еще один посыльный. Но менее опасный, чем этот цыганского вида человек, сидевший в кресле у кровати.

– Она пришла в себя? – Молодой человек вошел в комнату и с интересом уставился на нее. – О, это уже намного лучше. Необыкновенные глаза. Твоя судьба, Роберт, теперь представляется мне не такой уж печальной. – Он поклонился. – Меня зовут Гэвин Гордон. Очень рад познакомиться с вами, мисс Кентайр.

Роберт не дал ей возможности ответить, нетерпеливо переспросив у своего спутника:

– Зачем мне спускаться? Что нужно этому мерзавцу?

Гэвин наконец перевел взгляд на Роберта.

– Старик вне себя от ярости. Он желает тебя видеть.

– Позже.

Гэвин пожал плечами.

– Как хочешь, но он запретил женщине нести наверх горячую воду.

Макдаррен пробормотал что-то вполголоса. Кресло отлетело прочь, когда он резко поднялся.

– Проклятье! – Он шагнул вперед, но у самой двери задержался на миг и оглянулся на Кейт. В его голосе уже не

было грубости, когда он проговорил:

– Попробуй поспать. Все будет хорошо.

Гэвин вышел вслед за ним и закрыл за собой дверь.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

Слова эти прозвучали с такой уверенностью и силой, что на какой-то момент Кейт поверила им. Он приехал от госпожи. Себастьян всегда был очень осторожен в обращении с ней, когда кто-то приезжал заслушать отчет и дать новые указания относительно ее воспитания. Может быть, стоит попросить Макдаррена, чтобы он спас Вороного? Этот человек смелее и надменнее тех, которые бывали здесь прежде, и он наверняка сумеет справиться с Себастьяном. Может, он заступится за нее?

Но потом он уедет.

Как и все остальные до него. И она снова останется одна. Как всегда одна. И Себастьян снова примется за свое.

Но, к счастью, пока этот посланник здесь, он отвлечет внимание старика. А ей надо рассчитывать только на саму себя и ни на кого более. Нельзя упускать такой счастливый случай.

Она сбросила с себя одеяло и медленно выпрямилась.

Острая боль пронзила спину. Макдаррен прав. Каждая мышца ее тела отчаянно протестовала против малейшего движения.

Кто-то успел разуть ее и снять чулки. Они лежали грязной кучкой. Негнущимися, непослушными пальцами Кейт снова натянула их на себя.

Себастьян и два посланца королевы внизу. Значит, через дверь ей выход заказан. Ничего особенного. Ей уже не раз удавалось выскальзывать через окно в спальне. Нужно сначала повиснуть на руках, а потом разжать пальцы и упасть вниз, на землю.

При одной только мысли о том, что ей придется напрягать мускулы, все тело свела судорога. Кейт с тоской посмотрела на постель. До чего же ей хотелось лечь, откинуться на подушки и натянуть на себя одеяло.

Но, если она упустит сейчас такую прекрасную возможность, кто знает, когда ей представится случай навестить Вороного. А ведь он остался в лесу совсем один.

Глубоко вздохнув, Кейт распахнула окно.

Себастьян Лендфилд стоял перед камином, заложив руки за спину. Еще более сухопарый и тщедушный, чем показался на первый взгляд, потому что на нем уже не было верхней одежды.

– Вы хотели поговорить со мной? – спросил Роберт, входя в гостиную.

– Да, – Лендфилд напряженно смотрел на него. – Я пытался смириться с решением королевы, но понял, что это будет неправильно. Изменять судьбу моей подопечной сейчас нельзя.

– Сожалею, – сухо ответил Роберт. – Но если вы прочли письмо ее величества, то должны понять, что ваши обязан-

ности на сем заканчиваются. Девушка поступает под мое покровительство.

– Нет! – Лендфилд перевел дыхание и затем проговорил, смягчая голос: – Уверен, что ее величество не представляет, какую совершает ошибку, лишая Катрин моей опеки в такой опасный для нее период. Она не готова к самостоятельной жизни.

– Как муж я позабочусь о ней.

– Вы ее не знаете и не представляете, что ей нужно в данный момент. Если она уедет, то все мои усилия и старания пойдут прахом. Ее нельзя оставлять без надзора...

– Думаю, мне удастся справиться с таким хрупким созданием. – Роберт мрачно усмехнулся. – А если возникнут трудности, я всегда смогу протащить ее на веревке за своей лошадей одну-две мили.

– Вы считаете, что я слишком жестоко обошелся с ней? – быстро спросил Лендфилд. – Повторяю, вы понятия не имеете, с кем вам придется иметь дело. Даже наказания бессильны вернуть ее на стезю добродетели. У нее невероятная сила воли.

Мимолетный образ вызывающей жалость тоненькой фигурки, бессильно лежавшей на постели, промелькнул перед глазами Роберта. Да этот старик просто спятил!

– Нам больше нечего обсуждать. Прикажите жене отнести наверх горячую воду.

– Нет, нет! – Бесцветные глаза Лендфилда вдруг вспых-

нули гневом. – Послушайте меня. Я не позволю выпускать ее в мир, где она будет сеять зло и разрушение, как это делала ее мать. Мой христианский долг – воспрепятствовать этому. Ее величество, без сомнения, поставила вас в известность, на ком вам предстоит жениться! Но вряд ли вы в состоянии вообразить, какое дьявольское искушение таит в себе это девушка. С каждым днем она меняется, взрослеет и копит яд. Она вообще не должна выходить замуж. Это Лилит.

– Какая еще Лилит?

– Первая жена Адама в раю. Соблазнительница, прародительница порока и распутства. Она, как змея, обовьет вас и ужалит, когда вы меньше всего этого ожидаете. Вы бессильны перед ее чарами. И когда вы будете ей не нужны, она отбросит вас с дороги, как мокрую тряпку. Это исчадие ада.

Гэвин, стоявший неподалеку, не сдержался и фыркнул. Неужели то изможденное и несчастное создание, перепачканное в грязи, которое они оставили наверху, способно причинить какой-то вред такому сильному мужчине, как Роберт? Смешно! Дальше слушать эти глупости не имело смысла.

– Гэвин, иди на кухню и помоги мадам поднять наверх горячую воду. – Роберт повернулся к Лендфилду, когда Гэвин вышел, и холодно сказал:

– Могу понять ваше беспокойство. Но смею вас заверить: столь юные создания не вызывают у меня никакой боязни.

– Думаете, что сможете укротить ту, которую мне за все

эти годы не удалось покорить? – Его тонкие губы растянулись в усмешке. – И все же я заставлю ее покориться. Кэтрин ни в коем случае нельзя увозить отсюда.

Бред озлобленного старика надоел Роберту.

– Приказ королевы обсуждению не подлежит. Мы уедем на рассвете, если девушка будет в состоянии двинуться в путь.

На щеках Лендфилда вспыхнули два красных пятна:

– Вы не можете...

– Роберт!

Они оба подняли головы к Гэвину, который стоял на площадке со смущенным выражением на лице.

– Она сбежала, – сказал он.

– Что?! – переспросил Роберт, не веря собственным ушам.

– Ее нет. Окно открыто. И... – Гэвин развел руками. – В комнате пусто.

– Как она могла сбежать! Комната на втором этаже. Когда я уходил, она была не в силах приподнять голову на подушке...

– Я же говорил вам, – торжествующе улыбнулся Лендфилд. – У нее железная воля и несгибаемый характер. Теперь вы понимаете, сколько беспокойства она способна принести? Чтобы обуздать эту девицу, нужна твердая рука!

– Пойдем, Гэвин, – Роберт оборвал викария на полуслове и двинулся к двери. – Она не могла далеко уйти. Следы приведут нас к ней.

– Вывести лошадей?

– Времени нет. Пойдем пешком.

Погоня! Это за ней.

Себастьян!

Кейт на мгновение замерла на тропинке и сквозь просветы деревьев разглядела темный силуэт в бархатном костюме. Нет, это не Себастьян. Следом за ней отправился Макдаррен.

Внезапно она испытала острое чувство разочарования. Значит, Себастьян сумел убедить его в своей правоте, и теперь Роберт тоже считает, что она погрязла во грехе и подлежит наказанию. А чего другого ей следовало ожидать? Роберт – приезжий. Себастьян, как лицо духовного звания, вызывает у всех уважение. Кто может усомниться в его словах? И до чего же хитер викарий, сумевший извлечь выгоду даже из внезапного приезда посланника королевы! Теперь на поиски беглянки отправился сильный молодой мужчина, а не измотанный долгими поисками старик.

Кейт повернулась и побежала дальше. Ноги все больше увязали в грязи, туфли мешали, как пудовые гири. Она бросила быстрый взгляд через плечо.

Он был совсем рядом. Ему не приходилось бежать. Роберт шагал широким шагом, без усилия сокращая расстояние между ними. Его взгляд не отрывался от тропинки: судя по всему, он еще не заметил ее. Только свежие следы выда-

вали, где она.

Кейт чувствовала, что слабеет с каждой минутой. Все вокруг казалось подернутым дымкой, словно озаренное лившимся откуда-то призрачным светом. Дыхание вырывалось прерывисто, с каким-то болезненным всхлипом. Бежать не было сил.

Но и сдаваться нельзя.

Оставалось одно... Скорее. Успеть бы! Бросившись вперед, она лихорадочно принялась шарить взглядом по опавшей листве.

Вот то, что надо! В самый раз.

Она подобрала толстую суковатую палку, отступила за дерево и замерла.

Надо сразу свалить его с ног. На второй удар уже не хватит сил. Хорошо бы попасть по голове.

Дыхание с хрипом вырывалось из ее груди, и Кейт казалось, что Макдаррен, подойдя ближе, сразу обнаружит ее.

Он уже в двух шагах.

Кейт задержала дыхание и изо всех сил вцепилась в толстую суковатую палку.

Он прошел мимо, не заметив ее, внимательно глядя перед собой.

Кейт вышла на тропинку за его спиной и со всего размаха опустила палку.

Посланник королевы застонал и рухнул на землю. Кейт бросила палку и рванулась вперед мимо его распростертого

тела.

И вдруг что-то резко толкнуло ее под коленку. И Кейт почувствовала, что падает.

Удар о землю был так силен, что у нее перехватило дыхание. И на какой-то миг она погрузилась во мрак. А когда пелена перед глазами рассеялась, она увидела, что Роберт сидит на ней верхом и крепко прижимает ее руки к земле.

Кейт дернулась.

– Спокойнее, черт тебя побери! – Он еще сильнее сжал ее плечи. – Я же не... Ух!

Кеш наклонила голову и вцепилась зубами ему в руку. Во рту появился соленый вкус крови, но Роберт не ослабил хватки.

– Пустите! – Как глупо просить его об этом. Он отправился за ней в лес вовсе не для того, чтобы оставлять ее в покое.

Кейт попробовала ударить Макдаррена головой в подбородок, но ей не удалось дотянуться.

– Роберт! Неужто ты не можешь дождаться, когда священник произнесет все положенные слова! К чему так торопиться?.. – раздался насмешливый голос Гэвина.

– Ты пришел в самое время, – ответил Роберт. – Эта девица пыталась убить меня.

– Я видел, как она треснула тебя по голове, – усмехнулся Гэвин, – но был слишком далеко, чтобы помешать ей. Для существа, которое едва может приподнять голову на подушке, она управлялась совсем неплохо. Тебе сильно досталось?

– Думаю, адская головная боль мне обеспечена.

Кейт решила, что, занятый разговором с братом, Роберт, потерял бдительность, и попыталась ударить его между ног, но он уловил ее движение раньше и пересел повыше.

– У тебя вся рука в крови, – заметил Гэвин.

– Она вырвала зубами кусок мяса. Кажется, Лендфилд был прав. Я понял, почему он связывал ее.

Снова веревки! Отчаяние охватило Кейт, когда она поняла, что невольно сыграла на руку Себастьяну. Теперь эти приезжие окончательно убедились в том, что она порочна и испорчена и что лучшее оружие против нее – это хлыст и веревка. Сейчас Макдаррен без труда свяжет ее и отведет назад, в дом викария. Ей не справиться сразу с двумя. Надо сберечь драгоценные остатки сил, чтобы дождаться другой счастливой возможности. Кейт затихла и перестала, сопротивляться. Только глаза ее с вызовом смотрели на Макдаррена.

– Очень разумно, – мрачно сказал он. – У меня не самое лучшее настроение. Не советовал бы тебе портить еще больше.

– Слезайте с меня!

– Чтобы ты снова бросилась бежать? – Макдаррен с сомнением покачал головой. – Слишком много хлопот для одного дня. Гэвин, дай мне свой пояс.

Юноша снял свой широкий кожаный пояс и протянул его Макдаррену. Тот плотно обмотал запястья Кейт и закрепил

концы.

– Я не пойду назад в дом, – сказала Кейт с яростью, порожденной отчаянием. – Ни за что.

Роберт поднялся.

– Ты пойдешь туда, куда я тебе скажу, даже если мне придется тащить тебя силком... – Он замолчал, чувствуя, что начинает испытывать отвращение к самому себе. – Тьфу ты! Кажется, я заговорил в точности, как этот святоша!

И он уже без гнева взглянул на лежавшую на земле Кейт:

– Ты боишься его?

Одна только мысль о Себастьяне вызывала в ней приступ страха, но она не желала признаваться в этой слабости даже самой себе. Ей удалось сесть. Уже тише она повторила:

– Я не могу вернуться туда.

Еще раз внимательно взглядевшись в лицо Кейт, Роберт проговорил:

– Хорошо. Будь по-твоему. Мы туда не вернемся. Ты его больше никогда не увидишь.

Она ошеломленно смотрела на него, не веря своим ушам.

Роберт повернулся к Гэвину:

– Мы переночуем на постоялом дворе, который стоит при въезде в деревню. Сходи в дом, собери ее вещи и оседлай лошадей. Встретимся возле конюшни.

Гэвин кивнул, повернулся и двинулся назад по тропинке к дому.

Глядя на девушку сверху вниз, Макдаррен спросил:

– Ну? Надеюсь, у тебя больше нет возражений?

Смысл сказанного никак не доходил до нее.

– Вы забираете меня отсюда?

– Если бы ты подождала немного и не прыгала из окна, я бы сказал тебе об этом два часа назад. Именно за этим я и приехал.

Теперь ей показалось, что она все поняла.

– Вы отвезете меня к госпоже?

Он отрицательно покачал головой.

– Ее величество решила выдать тебя замуж.

– Замуж? – растерянно переспросила она, не в силах прийти в себя от изумления.

– Ты говоришь так, словно впервые слышишь о подобных вещах и не представляешь, что такое бывает на свете. Разве Себастьян не давал тебе наставлений о том, как должна вести себя послушная жена?

– Я имею представление об этом.

Унижения, рабская зависимость и вдобавок страшные муки – вот что она поняла, видя отношения между Себастьяном и Мартой. Судьба жены не так уж сильно отличалась от ее собственной участи. Правда, викарий не бил Марту. Но крики, которые доносились из спальни, когда они совокуплялись, вызывали в душе болезненный ужас. Кейт надеялась, что по крайней мере эти пытки минуют ее.

– Но мне нельзя выходить замуж.

– Этот ханжа внушал тебе такую мысль? Но, как видишь,

королева думает иначе.

Значит, так тому и быть. Даже Себастьян не смеет ослушаться королевы. Робкая надежда вспыхнула в сердце Кейт. Замужество, конечно, всего лишь иная форма рабства. Но, может, королева выбрала ей в мужа человека с более легким характером, чем у Себастьяна.

– И за кого же я должна выйти замуж?

Роберт сардонически улыбнулся.

– Она удостоила этой чести меня.

Очередное потрясение. И не из приятных. Пожалуй, никто не решился бы сказать, что у этого человека легкий характер. Кейт покраснела.

– И вы не боитесь?

– Тебя? Если кто-то будет защищать меня со спины, то нет.

Она имела в виду совсем другое. Но и без того ясно, что он не из пугливых. Он вообще производил впечатление человека, который никого и ничего не боится. Значит, его не испугало и то, что наговорил ему викарий. Себастьян так часто твердил одно и то же, что Кейт иной раз начинала верить ему. Но сейчас она была настолько усталой и измученной, что с трудом отдавала себе отчет в происходящем. С каждой минутой силы оставляли ее. Кейт поколебалась немного, но все же заставила себя выговорить:

– Я не Лилит...

– Скорее ты перепачканный в грязи суслик. – Роберт на-

клонился и помог ей подняться. – Нам надо дойти до конюшни. Сможешь идти сама или мне понести тебя на руках?

– Нет, я пойду сама. – Она решительно отогнала от себя мысль о неожиданном и непонятном замужестве. Об этом можно будет подумать потом. А сейчас есть более важное дело. – Сначала заберем Вороного.

– Вороной? Это еще что такое?

– Мой конь. – Кейт повернулась и двинулась сквозь заросли кустарника. – Он тут недалеко.

Кейт услышала, как шелестят ветви за ее спиной.

– Но как конь мог оказаться в лесу?

– Я спрятала его здесь от Себастьяна. Он собирался отправить его на живодерню.

– Так вот чем ты прогневала добрейшего викария! Из-за этого он связал тебя и тащил на веревке за собой?

– Да. Он требовал, чтобы я ответила, где спрятала коня. Себастьян грозил, что Вороного съедят дикие звери. И я испугалась за него. – Кейт изнемогала от усталости, но не собиралась отступать от своего. – Столько времени прошло, как я оставила его одного! – Ускорив шаги, она свернула с тропинки, почти бегом одолела последние несколько ярдов и с облегчением вздохнула, увидев, что Вороной мирно жует сено, стоя под ветвями большого дуба. – Слава Богу! С ним все в порядке.

– Ты так считаешь? – Макдаррен с сомнением окинул взглядом старого мерина: от его подслеповатых глаз до узло-

ватых колен. – Сколько ему лет?

– Почти двадцать. – Кейт подошла к коню и нежно погладила его морду. – Но он сильный и покладистый.

– Мы не возьмем его с собой, – сказал Макдаррен. – Ему ни за что не одолеть горный перевал. Нам придется оставить его здесь. Поговорим об этом с хозяином гостиницы. А я куплю тебе другую лошадь.

– Я не брошу его, – яростно возразила Кейт. – Я не могу его оставить. Откуда мне знать, как с ним будут обращаться? Вороной поедет с нами.

– А я говорю – останется.

Он произнес это таким голосом, что она почувствовала, как у нее в груди поднялась волна страха. Это было так похоже на те запреты Себастьяна, отменить которые было не под силу никому. Кейт облизнула пересохшие губы.

– Тогда я тоже остаюсь.

Макдаррен внимательно посмотрел на нее.

– Ты предпочитаешь снова оказаться в руках Лендфилда?

Она пожалала плечами и прислонилась щекой к морде Вороного.

– Это мой конь, – ответила она просто.

Кейт почти физически ощущала на себе его напряженный взгляд, но решила держаться до конца. Повисло тяжелое молчание.

– Черт с тобой! – Роберт поднял с земли седло, положил его на спину Вороного и начал затягивать подпруги. – Мы

заберем его с собой.

Радость наполнила ее душу.

– Правда?!

– Кажется, я уже сказал. – Роберт развязал ремень, стягивающий ее запястья, приподнял и посадил в седло. – Он повезет поклажу. А для тебя мы купим другую лошадь. Идет?

Согласна ли она? Станный вопрос.

– Конечно. Вы не пожалеете. Но вам не стоит тратить деньги на другую лошадь. Вороной очень сильный. Уверена, что он сможет...

– Я уже начинаю жалеть о том, что согласился, – в его тоне вновь появились нотки раздражения.

Взяв коня под уздцы, он повел его к тропинке.

– Даже с самой легкой ношей ему вряд ли удастся одолеть перевал.

Макдаррен уже второй раз упоминал о горах. Но Кейт было совершенно все равно, куда им предстоит ехать, раз он решил взять Вороного.

– А вы не передумаете?

Угрюмое выражение лица несколько смягчилось, когда он увидел, с какой надеждой Кейт смотрит на него.

– Нет, не передумаю.

Когда они появились у конюшни, Гэвин уже поджидал их, сидя в седле. Улыбка озарила его лицо при виде Кейт, гордо восседающей на своем любимце.

– Это ее?

Роберт кивнул.

– Вот источник всех тревог и волнений.

– Дстойная парочка, – пробормотал Гэвин. – Правда, ее еще можно отмыть. А вот с конягой дело обстоит хуже... – Он опустил голову, сдерживая смех. – Тут, Роберт, всякая надежда оставляет меня.

– И меня тоже. Но все же нам придется взять его с собой.

Гэвин удивленно вскинул брови.

– Да ну?! Интересно...

Роберт одним махом взлетел в седло.

– Что сказал викарий и его любезная женушка?

Пальцы Кейт сжали поводья.

– Похоже, что миссис Лендфилд с большой радостью собирала ее вещи. – Он кивнул на небольшой узелок, притороченный к седлу. – А викарий готов был испепелить меня взглядом.

– Но смирился с неизбежным.

– Нет, не смирился, – прошептала Кейт. – Он никогда не отказывается от того, что задумал.

– Тогда нам лучше поскорее тронуться в путь, чтобы не встретиться с ним вновь. – И Роберт пустил свою лошадь рысью. – Присматривай за ней, Гэвин. Она чуть жива и едва держится в седле.

Себастьян поджидал их неподалеку от дома. Он встал на дороге, не давая им проехать.

– Убирайтесь прочь, – холодно сказал Роберт. – Я не же-

лаю напрасно терять время.

– Это последняя ваша возможность, – хрипло произнес Лендфилд, хватаясь за стремя его коня. – Верните ее, пока не поздно.

– Прочь!

– Кэтрин, – в голосе Себастьяна звучала мольба, – не уезжай. Ты же знаешь, что не должна выходить замуж. Тебе известно, что произойдет.

Роберт тронул поводья, и конь грудью оттеснил викария. Роберт махнул рукой, пропуская Гэвина и Кейт вперед.

– Забудь о ней. Теперь это уже не твоя забота. – И, понизив голос, Роберт добавил: – И если ты когда-нибудь посмеешь приблизиться к ней, я позабочусь, чтобы ты не совершил подобной оплошности во второй раз.

– Мы еще увидимся. – Глаза Себастьяна горели странным огнем, лицо исказилось в мучительной гримасе. – Я хотел спасти тебя. Но, видно, Богу угодно другое. Теперь ты знаешь, что случится.

Он повернулся и на негнущихся ногах зашагал к дому.

– О чем это он? – Гэвин проводил викария удивленным взглядом.

Кейт ничего не ответила. Она молча смотрела вслед Себастьяну, чувствуя, как все тело охватывает дрожь. Напоследок ему все-таки удалось добиться своего, посеяв в ее душе страх и предчувствие грядущих несчастий.

– Так что он имел в виду? – спросил Роберт.

– Ничего. Ему хотелось напугать меня. – Кейт расправила плечи. – Ему доставляло удовольствие, когда мне становилось страшно.

Кейт показалось, что этот ответ не удовлетворил Роберта и он собирается продолжить расспросы, но после недолгого молчания он лишь спокойно проговорил:

– Тебе нечего больше бояться Лендфилда. Теперь он не властен над тобой.

Роберт пристально посмотрел на нее. Глубина его черных глаз одновременно притягивала и отталкивала, манила и пугала. У Кейт закружилась голова.

– Отныне право наказывать или поощрять тебя принадлежит мне одному.

3

Впереди показался постоялый двор. Гостеприимно горящий в окнах свет сулил покой и отдых.

Но не для нее, вдруг с горечью осознала Кейт. Она так устала, столько перемен произошло в ее жизни за эти несколько часов, что она не сразу сообразила, куда ее везут. Надо объяснить, пока не поздно.

Кейт натянула поводья.

– Нет!

Роберт нетерпеливо обернулся.

– А теперь в чем загвоздка?

– Я не могу здесь остановиться.

– Какого черта?! В доме викария ты не пожелала оставаться ни одной лишней минуты, теперь тебе не по душе постоялый двор. Не на дороге же нам ночевать. Я устал и тоже, не меньше тебя, перемазался в грязи. Мне нужна горячая вода и чистая постель. Здесь мы получим то и другое. – Он снова отвернулся и пустил лошадь рысью. – Не отставай.

Роберт явно не понимал, о чем идет речь. А Кейт настолько вымоталась, что у нее не было сил растолковывать даже такие простые вещи. Пусть везет, куда хочет. Скоро он сам убедится, что ей там нечего делать.

Мистер Табард, распахнув двери, вышел к ним навстречу с подсвечником в руках. Он тотчас оценил богатый наряд

Макдаррена, и широкая улыбка осветила его лицо.

– Добро пожаловать, милорд. Меня зовут Питер Табард. Я хозяин этого постоянного двора.

Роберт наклонил голову.

– Роберт Макдаррен, граф Крейгдью.

– Чем могу служить?

– Нам нужна еда и постель. – Роберт слез с коня и подошел к Кейт. – Но прежде всего приготовьте лохань горячей воды, чтобы вымыться.

– Будет все, как вы просите, в наилучшем виде. Вы упали с лошади? – Мистер Табард сочувственно покачал головой, наблюдая, как Роберт снимает с седла Кейт. – Надеюсь, леди не... – Он вдруг замолк, в недоумении прищурился. Шагнув ближе, он поднял повыше подсвечник, чтобы убедиться, не ошибся ли он. И по тому, как он решительно сжал губы, можно было не сомневаться: его худшие опасения подтвердились.

– Добрый вечер, Кейт. – И Питер Табард резко повернулся к Роберту: – Прошу прощения, милорд. Я не могу принять вас. У меня нет свободных комнат.

– Только что они у вас были, – процедил сквозь зубы Роберт.

– А сейчас их нет. – Хозяин постоянного двора повернулся к Кейт: – Возвращайся домой. Ты и без того доставляешь слишком много беспокойства святому отцу. Я не стану тебе потакать и не позволю заниматься развратом под крышей

моего дома. Ты не...

– Хватит! – Роберт шагнул вперед, и его кинжал уперся в брюхо Табарда. – Ты сию же минуту найдешь две комнаты и дашь все, о чем я просил, иначе...

– Пожалуйста, успокойся, – Гэвин тронул брата за рукав.
– Ты же знаешь, я не выношу вида крови.

Роберт не обратил на его слова ни малейшего внимания.

– Немедленно пришли служанку, которая поможет моей жене. И впредь ты будешь оказывать все услуги с подобающим ей уважением.

Потрясенный хозяин гостиницы начал даже слегка заикаться.

– Вы не можете меня принудить, милорд. Я делаю то, что...
Ваша жена? – Только сейчас до него дошел смысл сказанного. И на его лице, как в зеркале, отразилось то же самое изумление, какое появилось на лице Кейт. – Она ваша...

– Да, мы обручены. Ты не ошибся. – Роберт вложил кинжал в ножны и повернулся к Гэвину: – Отведи лошадей в конюшню.

– Так вот каким образом ты решил выполнить обещание!
– присвистнул его брат.

Табард перевел взгляд с одного на другого.

– Кажется, ваш спутник удивлен не меньше меня! Он что, тоже ничего не знает о вашей женитьбе?

– Гэвин, ответь: жена она мне?

– А как же, – улыбнулся Гэвин, забирая поводья всех ло-

шадей и направляясь в сторону конюшни. – По закону она твоя супруга.

Роберт взял Кейт за руку и повел в дом.

– Горячей воды и служанку.

Табард послушно последовал за ним.

– Сейчас я пришлю мою дочь.

– Нет, – быстро сказала Кейт. – Только не Каролину. Я не хочу, чтобы она прислуживала мне. Лицо хозяина постоялого двора смягчилось:

– Да она будет только рада этому. Ты сама знаешь. Все это время она не переставала вспоминать и говорить о тебе.

– Где наша комната? – перебил его Роберт.

– На втором этаже, – ответил Табард. Он остался стоять посреди холла, в растерянности глядя на них: – Вы в самом деле обручены?

Роберт, шагая по лестнице наверх, на миг задержался и коротко бросил:

– Сколько раз я должен повторять: она моя жена. И я требую, чтобы ты относился к ней, как она того заслуживает.

– Роберт, бережно взяв Кейт под руку, повел ее дальше по лестнице, к двери их комнаты.

Как только они вошли, Кейт выдернула руку и резко повернулась к нему лицом.

– Зачем вы солгали ему?!

– Я не солгал. – Роберт снял с плеч короткую накидку и швырнул ее в кресло.

– Вы перепачкаете грязью вышитые подушки.

Кейт взяла накидку и сбросила ее на пол.

– А мне наплевать на все подушки мистера Табарда, вместе взятые, – ответил Роберт. – И я не понимаю, с чего ты так заботаешься о его благополучии после того приема, который он оказал тебе.

– Это не его вина. Он относился ко мне намного лучше других. – Ее собственный плащ свинцовой тяжестью оттягивал плечи. Она сбросила его на пол и тут же рассеянно отметила, насколько странно смотрится он рядом с накидкой Роберта. Мягкого перелива дорогой бархат и грубого плетения шерсть так же не соответствовали друг другу, как сама Кейт и человек, который, словно смерч, ворвался в ее жизнь. – Ребенком я часто играла с его дочерью. И он очень по-доброму относился ко мне.

– Чего не скажешь о сегодняшней встрече.

– Когда я выросла, Себастьян запретил мне появляться в деревне и разговаривать с кем-либо из жителей. Он сказал всем... – Кейт замкнулась, воспоминание и по сей день было болезненным. – Что я по натуре шлюха и ему приходится не спускать с меня глаз, чтобы уберечь от греха.

– И они поверили его басне?

– Он викарий – служитель Господа. К тому же Себастьян сам верил в то, что говорил. И они не могли не внять его словам. – Кейт открыто встретила взгляд Роберта и с вызовом произнесла: – Но я не шлюха. И никогда не стану ею, что бы

он ни говорил про меня. Вам не удастся превратить меня в падшую женщину.

– С чего ты решила, что я собираюсь это сделать?

– Я не настолько наивна, как вам кажется. Себастьян очень много говорил со мной о том, что такое плотский грех. Вы солгали Табарду, чтобы нам дали комнату, хотя...

– Мы обручены.

Роберт произнес эти слова столь уверенным и непоколебимым тоном, что Кейт с недоумением воззрилась на него.

– Да вы с ума сошли! Как такое может быть? Только оттого, что вы сказали...

– Вот именно, – мрачно улыбнулся Роберт. – Так происходит помолвка у нас в Шотландии.

– Неужели? – недоверчиво спросила Кейт.

– И для этого не нужно никакого церковного обряда. Мужчина и женщина в присутствии свидетелей объявляют о своей помолвке и затем живут вместе год. Если они остаются довольны браком или если за это время рождается ребенок, то их узы остаются нерасторжимыми навсегда. Если нет... – Он пожал плечами. – Они свободны, каждый может идти своей дорогой.

– Как странно, – подозрительно заметила Кейт.

– Помолвка имеет такую же силу, как и церковный брак. На год. Я привезу тебя в Крейгдью и объявлю при всем народе, что ты моя жена. Но через год мы расстанемся. – Он сжал губы. – Несмотря на хитроумный план, задуманный ее

величием.

Он злился. Но Кейт чувствовала, что не на нее.

– Вы не хотите быть моим мужем?

– Конечно, нет. – Он криво усмехнулся. – Извини, что я так груб и прям, но мне бы никогда не пришло в голову выбрать тебя в жены. Мне и без тебя хватает забот...

– Это потому, что я ее дочь... – догадалась Кейт. В словах Роберта для нее не было ничего неожиданного. Себастьян всегда твердил, что замужество не для нее. И что ни один мужчина не пожелает взять ее. Разве только для свершения греха.

– Да, потому что ты ее дочь, – жестоко подтвердил Роберт.

Эти слова обожгли ее острой болью, хотя другого ответа она и не ожидала: никто не захочет жениться на дочери шлюхи. Как глупо было думать, что в ее судьбе может что-то перемениться! Пытаясь скрыть охватившее ее отчаяние, Кейт расправила плечи и гордо выпрямилась.

– Что ж, меня это совершенно не волнует. И мне бы не хотелось иметь такого мужа, как вы. Я вообще не хочу ни за кого выходить замуж.

«Скорее бы он ушел», – думала Кейт, боясь, что Роберт заметит ее смятение. До сих пор ей казалось, что ценой больших усилий она сумела сковать свою душу прочной броней, способной защитить ее от подобных болезненных ударов. Но ему каким-то образом удалось пробить брешь в ее защите. И от этого чувство одиночества стало еще более невыноси-

мым. Наверное, все чувства обостряются до предела, когда вот-вот потеряешь сознание от усталости.

– Я понятия не имею, почему леди... то есть королева, решила поженить нас.

– В самом деле? – Он внимательно посмотрел на нее и пробормотал: – Должно быть, добрый викарий очень заботился о том, чтобы просвещать тебя только в одном направлении. И не удосужился объяснить, какую роль ты можешь сыграть в политических играх...

– Политических играх? – Она с удивлением воззрилась на него. – Но кому я нужна? У меня нет никаких прав. Я незаконнорожденная, милорд.

– Как и Вильгельм Первый. Он... – Роберт оборвал себя на полуслове, услышав голоса на лестнице. – Сюда несут горячую воду. Потом договорим. – Он направился к двери. – И учти: меня зовут Роберт. Раз мы женаты, обойдемся без всех этих почтительных обращений... Кэтрин.

– Кейт! – резко поправила она.

Роберт обернулся, удивленный страстной интонацией, прозвучавшей в ее голосе.

Кейт пояснила:

– Кэтрин меня называл Себастьян.

– И тебе не хочется, чтобы имя напоминало о том времени. – Уточнил Роберт. – Кстати, а что имел в виду Лендфилд?

Вопрос озадачил ее.

– Я не понимаю, о чем речь.

– Что он имел в виду, когда доказывал, будто ему одному известно, как обращаться с тобой?

– Ах, это... Он считал, что если меня не удастся уберечь от греха, то лучше просто убить, – ответила она.

– И ты так спокойно повторяешь эти слова? Мне кажется...

Раздался стук. Роберт замолчал и распахнул дверь. На пороге стояла, улыбаясь им, высокая темноволосая девушка. Увидев бывшую подругу, Кейт сразу насторожилась.

– Меня зовут Каролина, милорд. Сейчас Саймон принесет лохань с горячей водой. А для вас уже приготовлена другая – в соседней комнате. Ваш спутник моется на кухне. Надеюсь, вы довольны?

– Вполне. – Роберт на какую-то секунду задержал свой взгляд на Кейт, затем повернулся и вышел.

В глазах Каролины вспыхнул зазорный огонек.

– Ну и ну! Да он такой же похотливый, как тот жеребец, который покрыл кобылу Меган. Помнишь тот день на лугу?

Каролина держалась с Кейт точно так же, как и прежде, словно они расстались только вчера, а не три года назад.

– Ммм... не знаю. То есть я имею в виду... Здравствуй, Каролина. Как ты поживаешь?

– Хорошо. Ты же знаешь, у меня всегда все идет хорошо. – Наклонившись, чтобы подобрать с пола грязную одежду, она улыбнулась. – Я тоже успела выйти замуж.

– И за кого же?

– За кузнеца Тимоти Кейню. – Она открыла дверь и выбросила одежду на лестницу. – Я просушу все это у огня на кухне, а потом очищу от грязи. Господи, как тебе удалось так вывозиться?

Кейт с трудом вспомнила, как выглядел кузнец Тимоти. Он был старше их на несколько лет: рослый, мускулистый мужчина с доброй улыбкой. Зато у его жены язык был острее бритвы.

– А мне почему-то казалось, что он женат.

– Его жена умерла в прошлом году. Бедняга. – Каролина закрыла дверь и, по-прежнему улыбаясь, повернулась к Кейт. – Как раз вовремя. Иначе мне пришлось бы согрешить с Тимоти на сеновале и заставить его бежать со мной.

У Кейт округлились от удивления глаза.

– И ты бы решилась на такое?

Каролина кивнула.

– Я люблю его. И было бы просто дуростью позволять ему и дальше жить с этой каргой, которая отравляла ему жизнь. Это было бы большим грехом, чем прелюбодеяние. А ты знаешь, что уж дурой-то я никогда не была.

Что верно, то верно, Каролина с детства отличалась умом, смелостью и независимостью – поэтому она и не боялась дружить с Кейт.

– Но ты бы разбила отцу сердце.

Каролина пожала плечами.

– К сожалению, он не в состоянии понять некоторые вещи.
– Она помолчала, и на какое-то мгновение обе почувствовали неловкость. – И Себастьяну он поверил зря. Я пыталась переубедить его... Ты же знаешь, в тот первый год я много раз приходила в дом викария.

– Нет, я не знала. Они мне ничего не говорили.

– Жена викария не разрешала мне подниматься к тебе. Сначала я пыталась переубедить ее, даже кричала на нее. Но она смотрела на меня своим ледяным взглядом... как скала...
– Каролина с сожалением покачала головой. – Что еще я могла сделать? В конце концов сдалась и перестала приходить.

– А я бы не сдалась! – с нажимом сказала Кейт.

– Знаю, – вздохнула Каролина. – Но мне никогда не удалось быть такой, какой ты хотела меня видеть. Ты всегда требовала слишком многого.

Кейт понимала, что не имеет права осуждать подругу за то, что она смирилась и покинула ее, так и не добившись встречи. Сама Кейт не считала возможным навязывать свое «греховное» общество. Но, с другой стороны, она никогда не рассказывала Каролине о своей жизни в доме викария, чтобы не портить счастливые часы. И Каролина даже представить себе не могла, что ей приходилось выдерживать в доме святого отца и его жены. «Ни одна душа не могла вообразить себе все отчаяние одиночества, которое выпало на мою долю», – устало подумала Кейт.

– Все это теперь не имеет никакого значения.

Каролина улыбнулась.

– К счастью, да. Теперь ты стала графиней, муж которой заставил отступить даже такого упрянца, как мой отец. Правильно говорят: «Что ни делается, все к лучшему». Но в деревне ничего не слышали о твоём замужестве. Вы, наверно, недавно обручились?

– Да. Совсем недавно. – Она не вполне поверила словам Роберта о законности их брака и задумчиво потерла виски.

Каролина спохватилась.

– Ты устала, а я стою и чешу языком без толку.

Сейчас потороплю Саймона. Поболтаем, пока ты будешь мыться.

«Что ни делается, все к лучшему».

Как было бы хорошо уверовать в такие слова. Особенно сейчас, когда её будущее зависит от воли и настроения этого незнакомца. Ничего, подбадривала себя Кейт, по крайней мере, две хорошие вещи уже произошли. Во-первых, она узнала, что подруга от неё не отказалась, не предала её. И второе – она освободилась от Себастьяна. А обо всем остальном можно будет подумать после. Сейчас она слишком устала.

– Где же наша невеста? – спросил Гэвин, когда через час Роберт спустился вниз по лестнице.

– Наверное, все еще купается. Я, например, только что выбрался из лохани. – Он оглядел гостиную. – А как насчет еды?

– Скоро подадут. – Гэвин протянул брату кружку пива. – У хозяина нашлась отличная сильная кобыла. Он пока запрашивает за нее больше, чем она того стоит, но, думаю, мы сойдемся в цене. – Гэвин помолчал. – Ты еще не передумал брать с собой эту клячу?

– Я тебе уже сказал, что нет. – Роберт осушил полную кружку. Но вкусное теплое пиво не принесло желанного удовлетворения и не улучшило настроения. Он знал, отчего оно испортилось. Перед его глазами все еще стояла фигурка Кейт. Грязная, изнемогающая от усталости, она изо всех сил пыталась гордо выпрямиться, отказываясь признаться в том, насколько ее уязвили его слова, отказываясь выказать слабость. Роберт прошел к камину и сел перед огнем, вытянув ноги.

– А я могу задать вопрос: почему? – вежливо спросил Гэвин, облакачиваясь на каминную полку.

– Нет, не можешь. – Роберт помолчал, а затем все-таки ответил: – Девушка доставит нам меньше хлопот, если мы возьмем эту клячу с собой.

– Понятно. А я уж подумал, что бедная девочка тронула твое сердце. – Он подмигнул. – Или какие другие части тела.

– Мне только этого заморыша не хватало, – ответил Роберт, откидываясь на спинку кресла.

– Для заморыша она слишком решительна. Ну и потом, у тебя не было женщин несколько недель. Зная твой аппетит, я бы не удивился, если бы и такой заморыш сошел.

– Да я с ней не лег бы в постель и за все блага мира.
Гэвин вскинул брови.

– Странное отношение к своей невесте. А, понял! Это из-за ребенка. Ты боишься, что не сможешь потом расторгнуть брак?

– Вот именно.

– Да, это, конечно, серьезная причина.

– Есть и другие.

– Бедная девочка, – нахмурился Гэвин. – В самом расцвете юности ей не удастся познать телесных радостей. Ты уже предупредил ее, чтобы она не лелеяла надежд?

– Мы пока почти ни о чем не успели поговорить. Роберт помолчал. – Кажется, она даже не представляет, какую угрозу таит в себе.

– Для тебя?

– Для меня, для Джеймса, для всех. – Роберт не выдержал и рывкнул: – Черт бы ее побрал! Как можно быть такой наивной дурачкой?

– Может быть, королеву это как раз и устраивало. Возможно, она даже ставила такое условие, чтобы девочку держали в полном неведении.

– Неведение в этих вопросах толкает человека на неверные поступки, а они приводят его на плаху.

– Ты хорошо представлял себе все последствия этого брака и до встречи с Кейт. Почему вдруг ты так разозлился? Что тебя задело?

Роберт очень ясно понимал, что его задело: то, что он оказался в ловушке, которую расставила Елизавета. Именно поэтому он должен быть тверд и не поддаваться минутной жалости. Девушка наверху ничего не значила для него. А Крейгдью был всем.

– Меня не волнует ее судьба. Но со стороны королевы было честнее предупредить ее обо всем.

– Простите, милорд!

На площадке второго этажа стояла дочь хозяина. Она с испугом смотрела на них.

– Прошу вас, поднимитесь наверх. Мне не удастся разбудить вашу жену.

– Что случилось? – вскочил Роберт.

– Сначала я подумала, что она просто заснула. Но я трясла ее, звала, а она не откликается, только что-то бормочет в ответ. Она не заболела?

– Только этого нам не хватало! – Роберт, уже не слушая ее, взбежал наверх, перешагивая сразу через две ступеньки.

Кейт сидела в глубокой деревянной лохани, положив голову на ее край. Густые темные ресницы ее даже не дрогнули при звуке его шагов.

– Кейт!

Она не шевельнулась. Он склонился над ней и потрянул за плечо.

– Кейт!

Горячая вода согрела ее, цвет лица был уже не таким блед-

ным, легкий румянец заиграл на щеках. Он отметил, как ровно пульсировала жилка на шее. Роберту приходилось не раз видеть людей, которые, несмотря на страшные раны, продолжали сражаться и только после окончания поединка падали замертво. Может, то же самое произошло и с ней?

Он чуть посильнее сжал ее плечо.

– Кейт, ты меня слышишь? Скажи хоть слово.

Ресницы девушки слегка затрепетали, и она с трудом подняла веки.

– Что? – едва слышным шепотом проговорила она.

Роберт облегченно вздохнул:

– Все в порядке. Только не засыпай больше, пока я не выну тебя из воды.

Он повернулся к Каролине.

– Дай полотенце.

Девушка бросилась к креслу и подала ему чистую простыню, которую согрела у камина.

– Похоже, она просто вымоталась до предела, – заметил Гэвин, вошедший следом за Каролиной. – Мне отвернуться? – спросил он.

– Отправляйся вниз и принеси ей что-нибудь поесть.

– Сейчас.

И Роберт услышал, как Гэвин бегом сбежал по лестнице вниз.

– Разбери постель, – приказал он Каролине и, расправив простыню, принялся вытирать длинные мокрые волосы

Кейт. Глаза ее снова начали закрываться.

– Не смей засыпать, – резко проговорил Роберт.

Кейт сделала усилие над собой, но веки были тяжелыми, как гири...

– Поспишь потом. Сейчас тебе надо поесть.

Кейт попыталась покачать головой, но и из этого ничего не вышло.

Роберт, завернув ее в простыню, поднял на руки и отнес на кровать.

Кейт посмотрела на него, но глаза ее все еще заволакивал сон. Судя по всему, она не очень хорошо понимала, где сейчас находится и что происходит вокруг.

Каролина стояла рядом, нервно покусывая губу.

– С ней все в порядке?

– Как будто да.

– Это так не похоже на нее. Может, послать за врачом?

– Не надо. Оставь нас, – коротко бросил он.

– А мне кажется... – Девушка, не закончив фразы, быстро вышла из комнаты.

Роберт начал растирать Кейт простыней. Сначала плечи, потом тело. Она была тоненькой и хрупкой, но не такой худой, как ему показалось вначале. А ее маленькие груди поразили его своей удивительно красивой формой.

Глаза Кейт снова закрылись сами собой.

– Сколько времени ты не спала?

– Три дня... Я боялась, что он... догонит нас... Чтобы не

заснуть, мне надо было все время идти...

– А когда ты ела в последний раз?

– Не помню. Ягоды...

Стойкости, с которой она переносила все лишения, ее незаурядной силе воли могли бы позавидовать многие его соратники.

– А вот и еда! – объявил с порога Гэвин. Он поставил поднос на столик рядом с камином и сел в кресло, глядя на Кейт.

– Похоже, она так и не проснулась.

– Она истощена до крайности. Это ступор. – Роберт завернул Кейт в одеяло и поднял на руки. – Ей станет лучше, когда она поест.

– Если только тебе удастся впихнуть в нее хоть кусочек, – с сомнением покачал головой Гэвин. – А почему ты не хочешь сначала дать ей выспаться? Потом она сама попросит еду.

– Ей обязательно надо подкрепиться. – Роберт сел в кресло у огня и усадил девушку. Тело ее было невесомым, как пушинка. Голова склонилась ему на плечо. – Еда придаст ей силы. Если она сейчас заснет, то мы потом долго не сможем пробудить ее.

– А ты по-прежнему собираешься выехать на рассвете? – Гэвин наклонился поближе и коснулся ладонью щеки Кейт. – Кто бы мог подумать, что под слоем грязи скрывается такая нежная кожа? Как атлас...

Роберт бессознательно придвинул Кейт ближе к себе, так что рука Гэвина повисла в воздухе. Он с удивлением посмот-

рел на брата.

Роберт и сам был удивлен не меньше Гэвина. Он прижал Кейт к себе совершенно инстинктивно, не думая.

– Не стоит лишний раз беспокоить ее.

– В самом деле? Тогда не стоит и стискивать ее так. – Гэвин зевнул. – Ну ладно. Раз я тебе больше не нужен, то я, пожалуй, пойду спать.

– Спокойной ночи, – кивнул Роберт и, поднеся к губам Кейт кусочек мяса, сказал настойчиво: – Открой рот.

Хотя глаза Кейт оставались по-прежнему закрытыми, губы ее послушно приоткрылись, и Роберт вложил в рот маленький кусочек свинины. Кейт машинально начала жевать.

Услышав, как усмехнулся Гэвин, Роберт поднял глаза на брата, который остановился в дверях и наблюдал за ним.

– Что тебя так забавляет?

– Ты скорее похож не на жениха, а на нянюшку, которая баюкает младенца...

– Спокойной ночи, Гэвин.

Было в голосе брата что-то такое, что Гэвин поспешно стер с лица улыбку и захлопнул за собой дверь.

Роберт снова принялся кормить Кейт, но ему удалось заставить ее проглотить всего несколько кусочков.

– Больше не могу... – пробормотала она и теснее прижалась к нему.

Он отложил тарелку. Не было смысла заставлять ее есть через силу.

Роберт шевельнулся, пытаясь приподняться.

– Нет! – Не открывая глаз, она крепко вцепилась в его рукав.

– Надо лечь в постель, – попытался уговорить ее Роберт. Он и сам изрядно устал, проголодался и не собирался проводить ночь, сидя в кресле.

Кейт слабо качнула головой.

– Здесь... так хорошо, спокойно... безопасно...

«Спокойно... безопасно» – эти два слова словно обожгли его. Наверное, за всю ее жизнь с трудом можно было насчитать несколько минут, когда она ощущала себя в безопасности. А теперь и будущее не сулит ей ничего хорошего. Но сейчас, один Бог знает почему, у Кейт возникло это чувство защищенности, хотя он и не выказывал особой заботы. Роберт снова обнял ее: в конце концов, он в состоянии еще немного посидеть здесь, а когда Кейт наконец заснет, он переложит ее на кровать. Она настолько устала, что ему не придется долго ждать. Роберт откинулся на спинку кресла и, глядя на пляшущие язычки пламени, глубоко вздохнул.

Запах горящих поленьев и таявшего воска свечи коснулся его ноздрей. Душистый запах мыла. И чего-то еще. Незнакомого прежде.

Это от нее. Роберт скосил глаза. На фоне серого одеяла волосы Кейт сияли, как темное золото. Чистая, нежная кожа казалась прозрачной. «Как у младенца...» – невольно вспомнились ему слова Гэвина.

Но Кейт не младенец. Она достаточно взрослая. Он видел на ее теле в сокровенном месте воздушную опушку волос, а ее груди, хоть и небольшие, тоже вполне сформировались. К соскам ее груди уже могли тянуться губы ребенка.

Или мужчины.

Мысль о том, что его губы могут прильнуть к ее соскам, вызвала в ответ горячую волну, которая прокатилась по телу. Его мужское естество тотчас откинулось на возникшее желание и напряглось, затвердело. Гэвин оказался прав, черт побери! Он всегда был жаден до женщин, а у него давно их не было.

Невесомое женское тело, которое он обнимал, все более завладевало его вниманием и всеми его чувствами. Оно так близко. Наготу Кейт прикрывало только тонкое шерстяное одеяло. Его можно отбросить одним движением руки, и она вся откроется его взору. Еще одно движение – и он может войти в нее.

Кровь начала бешено пульсировать в его жилах. Новая горячая волна прокатилась по телу. А почему он должен отказывать себе в такой малости? Жена дана мужчине для того, чтобы утолять его жажду. И ни один человек не посмеет поставить ему в вину, что он захотел близости. Достаточно насладиться теснотой ее девственного лона, а семя он может излить рядом, чтобы не ставить под угрозу существование Крейгдью. Утолив свое желание, он по крайней мере тоже выгадает хоть что-то от той сделки, которую ему навязала

Елизавета.

Отдаваясь во власть нахлынувших на него чувств, Роберт плотнее прижал к себе маленькие ягодицы. До чего же она тоненькая и хрупкая! Дрожь прошла по его телу при одной мысли о том, как плотно войдет его мужское естество в узкое девическое лоно. И не в силах более сдерживаться, Роберт рывком сорвал одеяло с ее плеч. Блестящие волосы упали на грудь, закрывая розовые соски. Интересно: она проснется, когда он коснется их языком? Роберт захотел повернуть ее к себе лицом. Кейт шевельнулась и застонала.

И в этот момент он увидел красные полосы на ее спине.

Он слишком хорошо знал, откуда они могли появиться. Ему самому пришлось выдержать немало таких ударов. Когда он жил в Сантанелле.

Себастьян! Вот, значит, как этот негодяй наставлял свою воспитанницу!

Жалость, ярость и... чувство опустошения одновременно вспыхнули в груди. Черт побери! Он не собирался жалеть навязанную ему против воли девицу! Он хотел только насладиться тем, чего требовала его плоть: войти в нее и двигаться вперед и назад...

Желание, которое он испытал, могло заставить его забыть о том, насколько усталой и измученной была девушка. Но эти следы от ударов хлыста напомнили ему о том времени, когда он был также беззащитен. Мог ли он забыть те годы унижений, бессильной ярости и неистового желания ото-

мстить своим мучителям? Сердце его болезненно сжалось. Ярко-алые полосы на спине Кейт были такие отчетливые, такие свежие, что боль от них еще должна отзываться в теле. Но ни единым жестом, ни единым движением она не выдавала ее.

Что же ему делать? Сидеть, мучаясь, всю ночь, пока она будет мирно спать, прижимаясь к его груди? Не такой же он законченный негодяй...

Кейт снова шевельнулась.

– Как хорошо и спокойно...

Проклятье!

Кейт показалось, что ее куда-то несут.

Она открыла глаза и увидела прямо над собой лицо Роберта. На какую-то долю секунды она испугалась, а потом это прошло. Чувство облегчения охватило ее: «Покой... дом».

– Я просидел в этом чертовом кресле несколько часов кряду, – буркнул он: – И не собираюсь больше торчать там.

Кресло? Сонная дремота снова охватила Кейт, и ей никак не удавалось понять, о чем это он говорит. Но в то же время ее не покидала уверенность, что все будет хорошо. Веки снова отяжелели, не было сил удержать их. Но это и неважно. Все будет хорошо, когда он с ней...

Нет! Его уже не было рядом! Она заставила себя открыть глаза. Роберт сидел на кровати, но уже не касался ее.

– Пожалуйста... не уходи.

– Спи! – Проговорил он сквозь зубы и начал снимать сапоги. – Я никуда не собираюсь уходить.

Он был чем-то недоволен, но пообещал остаться. Значит, все по-прежнему хорошо. Пока он здесь, ничего плохого не случится.

Дом...

Роберт лежал, полуотвернувшись от нее. Лунный свет падал на его лицо, высвечивая высокие скулы и четкую линию подбородка. Он спал, но Кейт ощутила, насколько чутким был его сон. «Как это ужасно, – подумала Кейт, – что даже во сне он не дает себе полностью забыться, утратить контроль над происходящим». Ей захотелось протянуть руку и дотронуться до него, погладить, утешить...

О Боже! Да он же совершенно наг.

И она тоже!

Кейт в ужасе села и натянула одеяло до подбородка.

– А я думал, что не смогу растолкать тебя утром. – Он повернулся к ней, и она увидела, что в его глазах не осталось и намека на сон. – Ты что смотришь, будто змею увидела?

– Почему... Как мы здесь оказались?

– Мы с тобой муж и жена. Тебе имеет смысл привыкнуть к этой мысли и к тому, что мы будем спать в одной постели. – Он сел и опустил ноги на пол. – Хотя, боюсь, в следующий раз нам удастся попасть на кровать только в Крейгдью. На той дороге, по которой нам придется ехать, нет постоянных

дворов. – Он встал, подошел к тазу и плеснул воду себе в лицо. – Как ты себя чувствуешь?

В немом изумлении Кейт смотрела на спину Роберта, испещренную белыми полосами шрамов, которые так выделялись на смуглой коже, словно его терзали тигры. Она понимала, что должна испытывать сострадание. Но вместо этого смотрела на него с невольным чувством восхищения.

Крепкие ягодицы, отчетливый рельеф каждого мускула на икрах ног, на бедрах, треугольник черных волос на бронзово-золотистой коже, доходящий до талии... Вся его фигура источала силу и уверенность.

Он нетерпеливо обернулся.

– Отвечай же!

Кейт не сразу смогла вспомнить, о чем он ее спрашивал.

– Хорошо!

– Ты говорила то же самое и после того, как Себастьян протащил тебя несколько миль на веревке. Говори правду. Ты сможешь ехать верхом?

– Конечно.

Он дотянулся до полотенца и принялся растираться.

– Тогда вставай и одевайся.

Она почувствовала, как кровь прилила к щекам.

– Я подожду, когда ты выйдешь. Не могу же я стоять совсем раздетой. Я еще не потеряла стыд, как ты.

Он насмешливо улыбнулся и отбросил полотенце.

– Тебе не нравится, как я выгляжу? Ничего не поделаешь,

придется смириться.

– Зачем? Нет никакой нужды привыкать...

– Сначала я тоже так считал. До нынешней ночи... Но теперь все будет по-другому. – Роберт поднял руки, приглаживая растрепавшиеся волосы. И Кейт невольно залюбовалась крепкими мускулами, перекатывающимися под его гладкой кожей. – Ты ничего не помнишь?

Она покачала головой растерянно и беспомощно.

Сердце ее забилося от страха.

– Неужели... я спала с тобой?

– А что тут такого? Это обязанность жены.

– Ответь! Мы... прелюбодействовали?

Какое-то время он стоял молча, недоуменно разглядывая ее, а потом покачал головой.

– Смею тебя заверить: если бы это случилось, ты бы запомнила.

Кейт с облегчением вздохнула.

– Я думала... – Она сглотнула. – Я испугалась... вдруг он оказался прав.

– Себастьян?

– Да. Он всегда повторял, что я не смогу сдержать свои порочные наклонности. И как только он перестанет следить за мной, я тут же отдамся первому встречному, который поманит меня пальцем. – Она выпрямилась и вздернула подбородок. – Я, конечно, знала, что он не прав. Глупо думать, будто я такая слабая и не в состоянии управлять своими чув-

ствами.

– Очень глупо. – Он помолчал. – Но страстность для жены – не такое уж плохое качество.

– Но он говорил, что мне будет мало одного мужчины.

Роберт сжал губы.

– А вот этого я бы тоже не одобрил. Боюсь, что тут мы с почтенным викарием сходимся во мнении.

В его голосе Кейт уловила странную напряженность.

– К чему мы все это обсуждаем?! – спохватилась она. – Я ведь несколько тебе не нравлюсь, иначе ты бы взял меня ночью.

– Несмотря на то, что ты была так слаба, измучена и беззащитна?

– Мужчины не обращают внимания на такие вещи. Они смотрит на жен, как на послушных животных, которые должны подчиниться им по первому требованию.

– А! Снова мудрый викарий? Если ты не веришь тому, что он говорил о тебе, то почему веришь всему, что он наговорил про мужчин?

Эта фраза несколько озадачила ее и заставила было усомниться в правоте Себастьяна, но тут она вспомнила страшные стоны и крики Марты, которые доносились из спальни. Если уж Себастьян, отдаваясь во власть похоти, так мучил свою жену, то что же должны вытворить остальные мужчины?

– Впрочем, – покачал головой Роберт, не дождавшись ее

ответа, – с мужчинами надо быть начеку, тут викарий прав. Когда нами овладевает страсть, мы становимся хуже диких зверей.

В памяти Кейт вдруг отчетливо вспыхнуло воспоминание, как ее обнимают сильные руки. И как в ее душе рождается блаженное чувство покоя и уверенности.

Это ощущение возникло ниоткуда и наперекор тому, что он говорила.

– Но я совсем не боюсь тебя. И я не Лилит, как уверял Себастьян. Как я могу завораживать мужчин, когда даже Каролина намного привлекательнее меня. И раз уж я тебе не нравлюсь, то ты не станешь досаждать мне...

– Ты так думаешь? – улыбнулся Роберт. – Напрасно! – Он опустил глаза вниз. – Видишь – вот доказательство того, что ты очень даже нравишься мне.

Кейт невольно последовала за ним взглядом и увидела то, от чего старательно отводила глаза. Она увидела, как восстанет его плоть, окруженная темными кудрявыми волосами.

Огненная волна окатила ее так, что перехватило дыхание.

– Видишь? – Он подошел ближе и встал прямо перед ней. – Ты удивительно легко вызвала во мне желание. В тебе есть что-то, что меня притягивает. – Он коснулся ее волос. – Какие они мягкие, блестящие и длинные. Вчера, когда ты лежала голый, они как тонкая вуаль закрывали тебя почти всю. Но ведь вуаль так легко сбросить!

Кейт вдруг почувствовала, как твердеет и набухает ее

грудь, как напрягаются соски. Прикосновение шерстяного одеяла к ним стало мучительно болезненным.

– И мне нравятся твои губы. – Низкий, густой голос Роберта завораживал, и она не отрывала глаз от его лица, глядя, как трепещут его ноздри, как горят румянцем смуглые щеки.

Он протянул руку и нежным движением коснулся ее губ.

– Изумительные губы, – пробормотал он. – Так и кажется, что они готовы принять... Открой рот.

Жар волнами проходил по телу Кейт. Она была не в силах пошевелиться, околдованная и звуком его голоса, и взглядом его пылающих темных глаз, и еще чем-то, что происходило с ней впервые в жизни.

Большой палец Роберта скользнул меж губ и дотронулся до языка, а потом ритмичным, медленным движением принялся водить вокруг него. И когда Кейт ощутила прикосновение его пальца, словно молния пронзила ее. Она и не заметила, как губы ее непроизвольно сомкнулись, чтобы удержать его в себе.

Теперь в ответ вздрогнул, будто от удара плетью, Роберт. Дрожь прошла по его телу – грудь начала вздыматься от ставшего тяжелым и прерывистым дыханием.

– Нет, не сейчас, – медленным густым голосом сказал он, осторожно разжав ее губы, и отступил на шаг. – Боюсь, это воспоминание будет теперь преследовать и возбуждать меня всю дорогу. Но будь я проклят, если позволю себе подтвердить правоту Себастьяна. Пока не пройдет боль от ударов

хлыста, я смогу подождать. – Роберт принялся одеваться. – Только не очень долго. И если ты не будешь требовать, чтобы я держал тебя в своих объятиях, когда ты совершенно раздета.

– Я не отвечала за себя. И это не очень вежливо напоминать о вчерашнем.

– Ты права. Я действительно бываю грубоват.

Его ответ поразил Кейт в самое сердце. Она чувствовала, насколько более необузданным, чем Себастьян, может быть Роберт. И в то же время он с необыкновенной легкостью признавал свою неправоту. И еще она думала о том, как это странно – сидеть на кровати и наблюдать за тем, как одевается мужчина. Странно и вместе с тем так естественно.

– Я, конечно, не очень любезен, – говорил между тем Роберт, натягивая сапог. – Но зато я честен. Теперь мне ясно, что ты не желаешь быть втянутой во все эти интриги, как не хочу этого и я. Если ты будешь выполнять все мои требования, то спокойная жизнь в течение этого года тебе обеспечена.

– А потом?

– Что будет потом – это уже не моя забота. – Роберт натянул второй сапог. – Через год ты вольна делать все, что тебе заблагорассудится. Я дам тебе денег, чтобы ты могла снова выйти замуж. Мой тебе совет на будущее – постарайся уехать куда-нибудь. Чем дальше ты будешь от Джеймса – тем лучше для тебя. Пожалуй, самое подходящее место – Франция.

Внезапно Кейт осознала, что он говорит так, будто ей угрожает какая-то неминуемая опасность. На эта мысль взволновала ее гораздо меньше, чем его предыдущие слова..

– Я в самом деле смогу делать все, что мне захочется? И ты не отправишь меня назад к Себастьяну?

Он встал.

– Что бы там ни случилось, думаю, ты уже никогда не увидишь Себастьяна.

Кейт все еще не верила свои ушам: она знала, как просто отделаться от Себастьяна. На даже не это больше всего поразило ее.

– Ты обещаешь? – Она нетерпеливо смотрела на него. – Я не имею в виду Себастьяна – с ним я справлюсь сама. А то, что я буду совершенно свободной? Это точно?

При виде страстного нетерпения, появившегося на ее лице, взгляд Роберта смягчился:

– Если будешь слушаться моих приказаний и не причинишь никаких хлопот ни мне, ни моим подданным, в следующем году ты получишь полную свободу. И обеспечение на первое время, пока не устроишься.

Она зорко всматривалась в его лицо.

– Мне нужен дом, – быстро проговорила она. – Я хочу, чтобы у меня был собственный дом.

– Да?

– Небольшой. С садом. При каждом доме должен быть сад. И этот дом должен принадлежать мне.

Он по-прежнему не отрывал от нее глаз.

– Это очень важно для тебя, – сказал он не столько вопро-
сительным, сколько утвердительным тоном. – Почему?

Ей не хотелось отвечать. Это ее тайна, в которую она не
собиралась посвящать посторонних.

– Это касается только меня одной.

– Но строить его придется мне, и я должен знать.

– Мне хочется иметь место, которое принадлежит только
мне, чтобы никто не имел права отнять его. Вот и все. Этого
достаточно?

– Пока да.

– И я его получу?

Взгляд его еще раз задумчиво пробежал по ее лицу, слов-
но пытаясь проникнуть в самую глубину ее души, а потом
Роберт кивнул.

– Ты получишь его.

– Каменный?

Он снова кинул.

Радость вспыхнула в ней, как пламя костра, глаза засияли,
и улыбка пробежала по губам.

– Ого! Ты, оказывается, умеешь улыбаться! – Он с интере-
сом посмотрел на нее. – Вообще-то я и сам собирался пред-
ложить тебе отдельное жилище.

– Надо было с этого и начать. – Улыбка исчезла с ее лица.

– И мне не удалось бы увидеть, как ты прячешь свои ко-
лючки. А это очень занимательное зрелище.

– А я не хочу, чтобы меня поддразнивали и наблюдали за мной, – резко ответила она. – Тебе бы понравилось, если бы я вздумала делать то же самое?

– Конечно, нет. Но в этом и заключается одно из приятных преимуществ, которые дает власть. – Он открыл дверь. – Жду тебя внизу через четверть часа. Если мы и дальше будем собираться в таком темпе, то не выберемся отсюда до полудня.

Как только дверь за Робертом закрылась, Кейт выпрыгнула из постели и закружилась, сияя от счастья. Теперь никто не мог отнять у нее права радоваться. То, на что она не смела надеяться даже в самых радужных мечтах, исполнится! Она вновь почувствовала себя так, как бывало только в далеком детстве, в те чудные минуты, когда она и Каролина, забыв обо всем, просто наслаждались тем, что они живут на белом свете и каждый день приносит им нечто новое. Полная свобода! Пока она только маячила где-то далеко впереди. Но жизнь с Макдарреном, похоже, вряд ли хуже того, что она испытывала в доме Себастьяна.

Кейт вдруг опять почувствовала неожиданную жаркую волну, что прошла по телу, когда большой палец Роберта коснулся сначала ее губ, а потом языка...

«Но это совсем не похоть! – попыталась уверить она себя. – Это совсем не то, о чем говорил Себастьян, потому что... Нет! Не стоит сейчас думать об этом, чтобы не портить радостного настроения».

Впервые за многие годы Кейт почувствовала, что она молода, почувствовала нетерпеливое желание жить. Жить полной жизнью. И наслаждаться ею.

4

– Ты что-то припозднил, – не без ехидства заметил Гэвин, который успел уже расправиться с куском мяса, когда в гостиную вошел Роберт. – Завтрак ты пропустил. Как насчет обеда?

Роберт окинул взглядом яблоки и мясо, лежавшие на блюде возле Гэвина, и обернулся к Каролине, которая прислуживала за столом.

– Отнеси фрукты моей жене.

– Сейчас, милорд. – Она поколебалась. – Ей сегодня уже лучше?

– Намного.

Каролина с облегчением вздохнула, улыбнулась и поспешила вверх.

Роберт натянул кожаные перчатки для верховой езды и повернулся к Гэвину.

– Как ты спал? Рана не беспокоила?

– Ты дал мне возможность выспаться всласть, – усмехнулся Гэвин. – Я уж было вообразил, что мы сегодня вообще не двинемся в путь.

– Сначала я тоже так думал. – Слишком измученной выглядела Кейт. Всякому известно, что вести солдата в бой, когда он падает с ног от усталости, самое неразумное дело.

– Хммм, – протянул Гэвин, отправляя в рот кусочек яб-

лока. – Значит, напрасно я пытался представить тебя в сетях Купидона. Вчера ей, конечно, было не до того. Но в твоём распоряжении оставалось целое утро. Неужто ты не использовал его с толком? – Тут Гэвин прищелкнул пальцами. – Впрочем, я совсем забыл: такие заморыши не в твоём вкусе.

– Ты не забываешь то, чего не хочешь забыть, – резко ответил Роберт, и вдруг в его памяти само собой всплыло воспоминание о том, как его большой палец коснулся языка Кейт, и как ее губы сомкнулись. О, черт! Желание с новой силой вспыхнуло в нём. – Пойдем в конюшню. Я хочу посмотреть на кобылу, которую ты выторговал у хозяина.

Гэвин даже не шевельнулся.

– Кобыла в полном порядке, я уже осмотрел ее утром. А вот ответь мне: неужто ты даже...

– Гэвин, я не хочу говорить на эту тему.

– Бедный Роберт, искушение было таким сильным! Представляю, как нелегко тебе пришлось.

– Я знал, что ты не упустишь случая порезвиться на мой счет...

– А как же! – ответил Гэвин, отправляя в рот последний кусочек. – Это так забавно. Ты не захотел уложить ее в постель только потому, что она твоя жена...

– Рад, что тебя это забавляет. Но смею заверить: если бы у меня возникло такое желание, я не стал бы долго колебаться.

– Ого! Значит, ветер уже подул в другую сторону? Впрочем, я этого ждал. И все же – давай пари, что ты не сделаешь

ее своей любовницей. Ставлю два фунта. Идет?

– Почему ты так уверен?

– Во многих отношениях она – сущее дитя. А ты привык заботиться о тех, кто нуждается в твоей помощи, а не отбирать у них последнее. Все в Крейгдью знают об этом.

– Она не имеет отношения к Крейгдью, – напомнил ему Роберт.

– Но она твоя жена.

– Всего лишь на год.

– Тем больше оснований не отбирать того, что доставит удовольствие тому мужчине, который потом на ней женится.

При мысли о том, что кто-то другой ляжет с Кейт в постель и проникнет туда, куда не позволил себе проникнуть Роберт, ощутит и восхитительную нежность, и теплоту, в нем вспыхнула ярость. Усилием воли ему удалось скрыть выражение лица от наблюдательного Гэвина.

– Мне не привыкать брать силой то, что мне требуется.

– Только у испанцев, а не у младенцев с большими глазами.

– Я уже не раз повторял тебе – она далеко не ребенок. И вполне созрела для того, чтобы... – Он остановился, увидев, что Кейт вышла на площадку лестницы и начала спускаться по ступенькам.

На ней был все тот же коричневый шерстяной плащ, что и вчера. Но сегодня она заплела чистые золотистые волосы в одну косу, завязав ее лентой. Походка ее была легкой, пружинистой.

жинящей, на щеках играл румянец, а в глазах светилось счастье. Роберт никогда еще не видел женщины, которую так переполняла бы радость жизни. И это преобразование произошло после того, как он пообещал ей свободу.

Гэвин присвистнул от удивления.

– Извини. Забудем о том, что я говорил.

Роберт не мог отвести взгляда от Кейт.

– Ты о чем?

– О пари, которое я предлагал... Такими же глазами ты смотрел на первый испанский галеон, который собирался взять на бордаж.

Когда Кейт ступила на последнюю ступеньку, Гэвин шагнул ей навстречу.

– Доброе утро. Ты не забыла меня?

– Конечно, нет. – Она дружески пожала протянутую руку.

«А вот ко мне Кейт еще ни разу не обратилась с такой открытой и радостной улыбкой, – мрачно подумал Роберт. – При виде меня взгляд девушки сразу становится настороженным и недоверчивым. Но с чего это меня вдруг разозлило? Гэвину всегда все улыбались».

Роберт развернулся на каблуках и двинулся к выходу.

– Пора в путь! Гэвин, проводи ее в конюшню.

Улыбка тотчас сползла с лица Кейт.

– Я что-то сделала не так?

– Причина во мне, а не в тебе. Язык мой – враг мой. –

Гэвин перевел разговор на другую тему. – Тебе, наверное, не

удалось перекусить – ты так быстро спустилась вниз.

– Нет, кое-что я перехватила, пока прощалась с Каролиной. Но мне сейчас не до еды.

– Конечно, не каждый день выходишь замуж.

Кейт не стала вдаваться в подробности своего разговора с Робертом и с сомнением посмотрела на Гэвина.

– Все это выглядит так странно. Мне не верится, что мы и в самом деле помолвлены.

– Таков наш обычай. Помолвка вступает в силу сразу же, как только о ней объявят при свидетелях.

Она облегченно вздохнула. Значит, Роберт не обманул ее.

– И это блестящий ход, который придумал Роберт, чтобы переиграть королеву. Он исполнит клятву, но через год будет свободен, и никто не посмеет обвинить его в нарушении данного слова.

– А почему надо переигрывать королеву?

– По дороге расскажу. – Гэвин взял ее под руку и повел к двери. – Роберт хочет выехать как можно скорее. А я за сегодня уже успел несколько раз вывести его из терпения. Хорошего помаленьку. Не стоит пересаливать.

Она снова улыбнулась. Странно, до чего ей легко рядом с Гэвином. Ни разу у нее не возникло желания спрятаться в свою раковину, как это обычно случалось с ней при виде незнакомых людей. Может быть, потому, что его непринужденность и веселость напоминали ей Каролину. Это была маска, которую они оба надевали, чтобы скрыть свою сер-

дечность и доброту.

– Ты не похож на человека, который до смерти его боится.

– Потому что я родом из Крейгдью. Все его жители привыкли чувствовать себя свободными.

Кейт имела в виду нечто другое: она говорила о тех узак глубокой внутренней симпатии, которые она сразу подметила в отношениях этих двух людей.

– Вы давно знаете друг друга?

Он внимательно посмотрел на нее.

– У тебя острый глаз. Мы росли вместе.

– Как братья?

– Поначалу да. – Он нахмурился.

– А потом?

– Потом все изменилось. Вернее, изменился Роберт. Но он стал таким из-за них.

– Из-за кого?

– Роберт не любит ворошить прошлое, – ответил Гэвин, слегка сдвинув брови. Кейт поняла, что и ему самому не доставляло удовольствия вспоминать об этом.

– А почему у вас разные фамилии?

– Моя мать принадлежала к клану Макдарренов, но замуж она вышла за Гордона – из другого клана. После его смерти она вернулась в Крейгдью вместе со мной. Она так и не смогла привыкнуть к жизни в долине. Как и любому горцу, ей там было не по душе.

– А что плохого в долинах?

– Те, кто там живут, – поморщился он, – слишком богатые и толстые. Ты поймешь, о чем я говорю, когда мы доберемся до острова. По дороге мы переночуем у моего дяди Ангуса Гордона. Для жителя долины он совсем неплохой человек.

Ее позабавило такое определение.

– Значит, он не богатый и не толстый? Интересно будет взглянуть на него.

– Да нет. Он относительно богат. Но поскольку ему приходится заниматься грабежом – тут особо не растолстеешь.

– Грабежом?

– Он совершает набеги на англичан, которые живут по ту сторону границы с Шотландией.

– И ты так спокойно говоришь об этом? – спросила изумленная Кейт.

– Но он грабит только англичан, – быстро добавил Гэвин.

– Ангус никогда и ничего не возьмет у шотландца.

– По-твоему, такого рода воровство можно оправдать?

– Может, и не совсем, – нахмурился он. – Но что поделаешь, так издавна повелось. Это обычай.

– И ты тоже... занимаешься грабежами?

– Пока что я участвовал только в одном походе. Роберт взял меня с собой в море, и нам удалось захватить несколько испанских кораблей. – Гэвин отступил, пропуская Кейт впереди себя в дверь.

Она помедлила, прежде чем сделать шаг и войти в новый для нее мир. Мир, где можно нарушать заповеди и совершать

заведомый грех только потому, что «так повелось».

– Не бойся!

Она взглянула на Гэвина, который широко улыбнулся ей.

– Все будет хорошо. Я помогу тебе.

– Правда? – Кейт почувствовала, как хорошее настроение снова возвращается к ней. Имеет ли смысл бояться того, к чему она сама стремилась? Если бы ей удалось убежать от Себастьяна, она оказалась бы совсем одна в этом непонятном для нее мире. А сейчас у нее есть союзник. Гэвин поможет ей освоиться в новой обстановке. – Спасибо, – такая же теплая улыбка озарила и лицо Кейт. – Я тебе верю и не сомневаюсь, что все будет хорошо.

– Как она тебе? – Услышали они голос Роберта, который шел к ним навстречу, ведя под уздцы Вороного и гнедую кобылу. – Она производит впечатление выносливой и спокойной.

Кейт подошла поближе и погладила лошадь по морде.

– Она мне нравится. Как ее зовут?

– Я забыл спросить. – Признался Гэвин.

Кейт осуждающе свела брови.

– Всякое живое существо имеет свое имя...

– Извини. – Смущенно произнес Гэвин.

– Я назову ее Верной. – Кейт еще раз ласково похлопала лошадь, а потом отошла к своему старому другу и тоже погладила его. – Ну как ты, мой хороший?

Мерин легонько заржал в ответ и толкнул ее головой.

– Он устал, – сердито проговорил Роберт. – И устанет еще больше. Ты говорила, что хозяин гостиницы – хороший человек. Мы вполне могли бы оставить мерина здесь, на его попечении.

Кейт сразу ощетибилась.

– Питер и вправду хороший человек. Но Вороной ему ни к чему. Откуда я знаю, кому он его продаст? Ты же пообещал, что мы возьмем его с собой.

– Черт подери! Тебе ведь понравилась кобыла. Посмотри на них и сравни: она молодая и сильная, а твой Вороной – просто старая кляча.

– Тем больше оснований любить его и заботиться о нем.

– Это бесполезно, Роберт. – Заметил Гэвин. – Я понял: мерин для нее – то же самое, что для нас Крейгдюю.

Роберт презрительно фыркнул, но ничего не ответил. Кейт почти физически ощущала на себе его гневный взгляд, когда она, прильнув к Вороному, ободряюще гладила своего любимца. Но вот Роберт что-то невнятно проворчал и сердито бросил брату:

– Седлай наших лошадей и проследи, чтобы поклажа мерина была самой легкой. – Он сунул в руки Кейт поводья кобылы и быстрым шагом направился к выходу. – Ты даже не представляешь себе, какую глупость затеяла. Вороной доставит нам массу бессмысленных хлопот. Из-за него мы будем вынуждены ползти, как черепахи, и один Бог знает, какими неприятностями это может обернуться.

Она не нашла что ответить, поэтому просто вздернула подбородок и с вызовом посмотрела на него.

– Не смотри на меня так, иначе у меня появляется желание согнуть тебя в бараний рог.

– Еще одно преимущество, которое дарует власть, не так ли? Но только меня не очень просто согнуть в бараний рог.

– Напрасно ты так уверена в себе. – Он с усмешкой посмотрел на нее. – Есть одно оружие, против которого не может устоять ни одна женщина.

Сначала она не поняла, что он имеет ввиду, затем смысл сказанного дошел до нее, и Кейт почувствовала, как вспыхнуло ее лицо и как внезапно перехватило дыхание.

– Вот то-то же. – Обхватив ее тонкую талию, он на секунду крепко прижал к себе девушку, потом приподнял и посадил в седло. – Я предпочел бы взять тебя в первый раз на чистых простынях, а не на конюшне. Но до самой границы нам кровати не видать. И поэтому постарайся не искушать меня, Кейт.

Сквозь ткань одежды она чувствовала, какие у него горячие сильные руки. И это тепло породило ответный жар, волной прошедший по ее телу. Тотчас заныли груди. Этот отклик испугал ее, и она резко бросила в ответ:

– Зачем мне искушать тебя? Это твоя собственная грешная плотская натура...

Неопределенная улыбка скользнула по его лицу в ответ на ее слова.

– Очень грешная и очень плотская, – согласился он. – И очень нетерпеливая. – Повернувшись к Гэвину, который выводил оседланного мерина и остальных лошадей с притороченными к седлам вьюками, он громко крикнул брату:

– Я принимаю пари. Два фунта.

Гэвин пробежал взглядом по улыбающемуся лицу Роберта, по раскрасневшейся Кейт и с сомнением покачал головой.

– Нет, я, пожалуй, не стану рисковать.

– Струсил? И все же пари остается в силе. И я намерен получить свое.

Кейт смотрела, как он легко вспрыгнул на лошадь и рысью пустил ее вперед по дороге.

– Что за пари? – поинтересовалась Кейт.

– Не обращай внимания, – улыбнулся Гэвин. – Еще один пример того, как мне необходимо научиться держать язык за зубами. – Он устроился в седле и тронул коня. – Но и ты, кажется, еще не научилась угадывать, когда лучше придержать язычок. Его можно жалить, но нельзя выводить из себя. Постарайся не рисковать, пока не поймешь, когда лучше к нему не подходить. Смотри, как это делаю я.

После трехчасовой езды без остановки каждая жилка Кейт ныла от боли. А к тому времени, когда на закате они догнали Роберта, который выбрал для остановки лесную поляну неподалеку от ручья, Кейт приходилось прилагать все

силы, чтобы удержаться в седле.

– Я отведу лошадей на водопой к ручью, – сказал Гэвин, помогая Кейт спуститься на землю. – А ты посиди, отдохни.

Она покачала головой.

– Лошади мои, и я сама должна отвести их.

Она взяла под уздцы мерина и кобылу и направилась с ними по тропинке через лес к ручью. Кони, дружно фыркая и мотая мордами, начали жадно пить. Кейт, встав на колени, плеснула в лицо холодной водой, не обращая внимания на Роберта и Гэвина, говоривших о чем-то неподалеку от нее. Она была слишком усталой, чтобы прислушиваться к тому, о чем они беседуют.

Когда она спустя несколько минут снова взглянула в ту сторону, то увидела, что Гэвина уже нет, а Роберт стоит, приклонившись к дереву, и внимательно смотрит на нее.

Сначала она не поняла, почему он остался, а потом сообщила, в чем дело, и выпрямилась.

– Не беспокойся. Я дойду сама.

– Сегодня был очень трудный день. Представляю, каково тебе с непривычки.

– Завтра будет уже полегче. – Она с трудом поднялась и взяла лошадей под уздцы. – Сейчас я помогу Гэвину.

– Ему не нужна помощь.

– Но его рана...

– Она уже затянулась. – Роберт подошел к ней, посадил в седло и взял поводья. – Горцы привыкли обходиться без

помощи посторонних.

Слова Роберта заставили ее сердце болезненно сжаться. Да, она посторонняя для них. Как и для всех в этом мире. С самого своего рождения она была лишней, никому не нужной и даже, более того, всем причиняющей одно только беспокойство.

– Что ты так смотришь на меня? – Роберт нахмурился. – Ну если хочешь, иди и помогай ему, пока окончательно не свалишься с ног. Мне что за дело?

– Конечно, никакого, – сердито ответила она. – Все равно я человек посторонний.

– Нет. Не совсем так. Ты человек, который доставляет массу всевозможных хлопот. Ты женщина, на которой...

– ...королева вынудила тебя жениться. – Теперь Кейт всплыла еще больше. – Но если бы не это, то тебя просто вздернули бы на виселицу. Поэтому я больше не желаю ничего слышать о том, что доставляю какие-то хлопоты.

Он помолчал.

– Вижу, Гэвин успел изрядно почесать языком.

– Он просто рассказал мне немного о человеке, которого называют Черный Роберт. Должна же я знать, с кем буду иметь дело в течение года.

– Ну да... с пиратом, который не подчиняется никаким законам...

– А разве не так?

– Пират, да. Но что касается законов, то я следую своим

собственным.

– Очень удобно, – едко заметила она. – И скорее всего, они меняются десять раз на день, в зависимости от того, что тебе выгодно в данную минуту.

Он усмехнулся.

– Зачем же на день... Разве что раз в неделю.

Какое-то мгновение она растерянно смотрела на него. Неожиданная перемена в его настроении сбила ее с толку.

– Я... н-н-не совсем поняла...

– А это обязательно – «понимать»?

– Конечно. Если нам предстоит жить вместе целый год, имеет смысл разобраться, что к чему.

Она быстро облизнула пересохшие губы.

– Я ненавижу Себастьяна, но это не значит, что я готова попирать законы, данные нам Господом Богом. А если это так, то вы с Гэвином поступаете плохо.

– Совершенно верно.

– Тем не менее мне нравится Гэвин, и он кажется... хорошим. Почему?

– Про меня речь не идет, со мной все ясно?

Если бы было ясно! Кейт не могла выразить словами то смятение, которое охватывало ее в присутствии Роберта. Но признаться в этом – означало бы раскрыться больше, чем ей того хотелось. Боясь, как бы Роберт не заметил ее смущения, она решила перейти в атаку.

– У меня такое впечатление, что ты никому не позволяешь

заглянуть в свою душу, даже Гэвину. И это... огорчает его.

Роберт отвел глаза в сторону.

– Ты ошибаешься.

Они подъехали к опушке, где Гэвин, стоя на коленях, раздувал костер.

– Возможно. Но спросить его напрямую я все равно не могу. Он мне не ответит – я ведь и для него человек посторонний.

– Что ты все время твердишь одно и то же! А тебе не приходило в голову, что мне тоже ничего не известно о тебе? – сердито сказал Роберт, снимая ее с лошади.

– А что обо мне знать? – устало ответила Кейт. – С самого раннего детства я жила с Себастьяном и Мартой. Однообразная, размеренная деревенская жизнь без всяких происшествий. Она не идет ни в какое сравнение с вашими морскими приключениями.

– Тихие омуты иной раз таят не меньше опасности, чем разбушевавшийся океан. Расскажи, как ты жила в доме Себастьяна?

Одиночество. Отчаяние. Страх. Бесконечные унижения. Но обо всем этом Роберту знать не обязательно. Кейт выдержала устремленный на нее пристальный взгляд Роберта и недрогнувшим голосом ответила:

– Вставала на рассвете. Помогала Марте по дому. В десять часов приходил Гивс. Он давал мне уроки.

– Чему он учил тебя?

– Математике, географии, французскому... – Она неопределенно повела рукой. – Леди... королева хотела, чтобы я получила хорошее образование, достойное знатной девушки. Именно поэтому Себастьяну дано было распоряжение купить мне лошадь.

– Готов держать пари, что она понятия не имела, как выглядит этот мерин.

– Нет, конечно. Выбирал сам Себастьян.

– А музыкой ты занималась?

Кейт отрицательно покачала головой.

– Себастьян считал, что заниматься музыкой – значит тешить дьявола.

– А после уроков ты могла делать, что хотела?

Она нахмурилась.

– После уроков под руководством Себастьяна, если только он не отправлялся к кому-то из прихожан, я изучала Святое Писание. – В ее памяти всплыли все эти страшные, томительные часы, которые она провела на стуле возле окна, прилагая все усилия к тому, чтобы не отвлечься ни на секунду, так как за этим немедленно следовало суровое наказание. – Когда его не было дома, мне разрешали погулять или покататься на Вороном.

– Одной?

Она кивнула.

– Себастьян запретил мне общаться с жителями деревни.

– Да, ты уже говорила об этом.

В его словах чувствовался скрытый гнев.

– А теперь я хочу пойти помочь Гэвину. – Кейт решительно поднялась.

– Не стоит. Лучше, если ты отдохнешь как следует. Завтра предстоит не менее трудный день.

– Ничего, я сильная, выдержу. – Она отбросила упавшую на лоб прядь. – Но я никак не могу понять, к чему такая спешка? Из-за чего мы так торопимся?

Он посмотрел на нее все с тем же непонятым для нее выражением и шагнул к Гэвину.

Кейт не стала спорить. Братья принялись устраивать место для ночлега. Роберт двигался ловко, без суеты, и в то же время ему удавалось сделать больше, чем успел бы сделать другой человек. И он так распределял обязанности, что Гэвину выпадало только то, что не требовало особого усилия или напряжения. И по дороге, припомнила Кейт, он вел себя точно так же.

Темп был задан быстрый, но всякий раз Роберт искал, как обойти возникавшие на их пути препятствия, которые раненый брат не смог бы преодолеть.

Снова ее пронзили боль и зависть. Не было на земле человека, который беспокоился бы о ней, которому была бы безразлична ее судьба. Кейт решительно тряхнула головой. Она сама сумеет позаботиться о себе. Ей никто не нужен!

Но облегчение не приходило. Кейт настолько устала за день, что не в силах была даже приподнять голову, но сон все равно не шел к ней. Наверное, из-за того, что отовсюду слышатся какие-то странные непонятные звуки. Нет, дело не в них. Не надо обманывать саму себя. Она понимала, отчего не в состоянии сомкнуть глаза.

Кейт медленно повернулась к костру.

Сквозь язычки пламени она увидела устремленный на нее взгляд Роберта.

Кейт насторожилась, ожидая, что он скажет.

Но он просто лежал и смотрел на нее. И в глубине его темных глаз застыло нечто, что привело ее в смятение, как это произошло сегодня утром в спальне.

Грудь вдруг начала вздыматься, словно она все это время стремительно бежала. И каждое новое прикосновение к шерстяной ткани вызывало странное болезненное покалывание. Жар опалил ее, будто пламя костра, тяжелой волной пройдя по телу.

Кейт не выдержала затянувшегося молчания.

– Я... я не могу заснуть, – прошептала она.

– Знаю.

Конечно, он знал. Все это время она ощущала на себе его взгляд.

Кейт закрыла глаза, стараясь успокоиться и забыть о том, что он совсем рядом.

– Буря, – сказал вдруг Роберт.

Она снова открыла глаза.

– Ты спрашивала, к чему такая спешка... – Он помолчал. – Надвигается сильная буря. Я хочу, чтобы мы успели пересечь границу Шотландии до того, как она нас настигнет.

Какая чепуха! День был таким солнечным и ясным. Она не заметила на небе ни единого облачка.

– Сезон дождей уже прошел. Откуда вдруг взяться буре? – недоверчиво проговорила она.

– Увидишь. – Роберт повернулся к ней спиной и натянул одеяло на плечи. – Она близко.

Когда они добрались до вершины холма, Гэвин придержал коня, вытянул вперед руку и, обернувшись к Кейт, сказал:

– Вон там начинаются земли моего дяди Ангуса.

Перед ними расстилались широкие луга, а в отдалении Кейт смогла разглядеть кирпичный дом и еще несколько построек, венчавших небольшой холм. Дом нельзя было назвать роскошным, но он выглядел весьма основательным.

– Красиво, – кивнула Кейт. – А кирпич такой же прочный, как и камень?

– Я забыл тебе пояснить, – насмешливо заметил, подъехавший к ним Роберт, – что моя жена требует только дом-крепость. А можно спросить: почему?

Она удивленно посмотрела на него.

– Потому что он не горит. Себастьян выстроил свой новый дом из камня.

– Новый?

Она кивнула.

– А что случилось с прежним?

– Он сгорел.

– Как так?

Роберт смотрел на нее с легкой улыбкой. Кейт, не собираясь рассказывать, что произошло тогда, но его насмешливое выражение раздражало, и ей захотелось вывести его из себя.

– Потому что я подожгла его.

У Гэвина от удивления открылся рот. Но, к разочарованию Кейт, выражение лица Роберта почти не изменилось.

– Надеюсь, это не вошло у тебя в привычку? В такое время года без крыши над головой довольно холодно.

– А как это произошло? – спросил Гэвин.

– После того, как он наказал меня, я подожгла занавеси свечой, – с вызовом сказала Кейт и мрачно добавила: – Он заслужил это.

– Не сомневаюсь, – задумчиво пробормотал Роберт. – Удивительно другое: как это они успели выскочить, ведь дело, как я понял, происходило ночью?

Кейт нахмурилась.

– Я передумала. Вернулась в дом и разбудила их.

– А вот тут ты допустила промашку, – вздохнул Гэвин.

– Мне было десять лет. Я страшно разозлилась на них. Но я не могла допустить их смерти. Это был бы большой грех.

И я стала бы похожа на свою мать. Но ни одной секунды я не раскаивалась в том, что подожгла дом.

Роберт улыбнулся.

– Теперь понятно, почему Себастьян называл тебя «неуправляемой».

– Легко осуждать, сидя здесь...

– Мы тебя не осуждаем, Кейт, – возразил Гэвин. – Разве только за излишнюю мягкотелость.

– Кто бы говорил! – усмехнулся Роберт. – Вспомни, как тебя выворачивало после первого боя.

– Тебе эта слабость, конечно, незнакома, – язвительно сказала Кейт.

– Убийство никогда не доставляло мне удовольствия. И нелегко на него решиться. – Роберт сжал губы: – Но есть люди, которых нельзя оставлять в живых – они приносят слишком много бед другим... Я вот сейчас думал о том, что могло толкнуть ребенка на такое? В чем ты провинилась?

Кейт как можно беспечнее пожала плечами.

– Себастьян выследил меня и схватил в тот момент, когда я смотрела в окно одного дома. Этот дом стоял на самой окраине деревни, и я часто приходила туда.

– Зачем?

– Мне просто нравилось смотреть на них.

– На них?

– На мистера Брелама и его жену. Они так хорошо улыбались и смеялись. И у них были такие добрые лица. Обычно я

приходила к тому времени, когда они садились ужинать. Он был еще совсем молодым человеком, и жена его была немногим старше, чем я сейчас. Малыш ползал по кухне, путаясь у них под ногами... – Не стоило снова вспоминать о том вечере. Все эти годы Кейт старалась подавить в себе чувство тоски и одиночества, которые толкали ее в детстве к тому окну. И сейчас они нахлынули на нее с новой силой, будто это случилось не много лет назад, а вчера вечером: веселая пляска огня в камине, молодой человек сидит у стола и с улыбкой смотрит на жену, и она без всякого страха отвечает ему таким же веселым открытым взглядом. – Мне казалось, что такого вообще не существует на белом свете. И когда я случайно увидела это в первый раз, то не могла поверить себе. А потом... Это как голод. Мне хотелось видеть это снова и снова.

– И что же сделал Себастьян, когда выследил тебя?

– Он втащил меня в дом, заставил просить у них прощения и признаться в своем грехе. – Она с трудом проглотила подкативший к горлу комок. – Мне было тогда так стыдно перед ними, словно я и в самом деле согрешила.

– И как Себастьян назвал твой грех?

– Зависть и жадность.

– Так оно и было?

– Да, – выдавила из себя Кейт. Ей очень хотелось погрузиться в атмосферу любви, доверия и нежности, впитать их каждой клеточкой своего тела, чтобы потом, в холодном до-

ме Себастьяна, отогревать душу теплом этих воспоминаний. – Я расплакалась от стыда и никак не могла остановиться. Но они были так добры. Миссис Брелам сказала, что все дети любопытны – это свойственно не только мне – и ничего тут плохого нет. Но он не слушал ее. Себастьян хорошо знал меня. И он понимал, что меня тянет туда. – Кейт судорожно вздохнула. – Видя, что ни мистер Брелам, ни его жена не собираются срамить меня, он еще больше разъярился. Поволок меня домой и принялся бить, пока я не упала. И при этом он все время повторял одно и то же: что я должна забыть об увиденном. Что это не для таких, как я. Что я не заслужила подобной жизни. И никогда... никогда у меня не будет своего дома. И не найдется человека, который станет заботиться обо мне. Лучше сразу выбросить все мысли о том, что я тоже смогу жить, как эти люди. Моя судьба навечно связана с ним.

– Боже правый! – не удержавшись, воскликнул Гэвин.

А Роберт молчал и лишь внимательно смотрел на Кейт. Лицо его было бесстрастным.

Она поняла, что зря поддалась порыву и рассказала о том случае. Воспоминания, как всегда, причинили боль, словно она задела свежую рану. И зачем ей понадобилось обнажать душу перед этими чужими людьми? Теперь Роберту известна ее слабость – ее страстное желание иметь свой дом, свою семью, не страдать от одиночества. Никогда еще Кейт не чувствовала себя такой беззащитной и уязвимой, как в этот момент. Быстро отвернувшись от внимательных глаз Роберта,

она постаралась проговорить как можно спокойнее и равнодушнее:

– Все то время, пока Себастьян строил новый дом на деньги, присланные... королевой, мы жили на постоялом дворе. Там я и подружилась с Каролиной.

– Новый дом Себастьян не случайно выстроил из камня, – уточнил Роберт. – Он догадывался, кто поджег прежний?

– Я сама сказала об этом.

– Очередной твой промах. Могу представить, какое наказание последовало за этот проступок.

– Неважно, – пытаюсь сохранить равнодушный вид, ответила Кейт. – Но тогда мне было хорошо. Я впервые сумела постоять за себя.

Роберт перевел взгляд в сторону дома Ангуса, до которого было уже рукой подать.

– Надеюсь, что Ангус ничем не рассердит тебя, – усмехнулся он, слегка придерживая коня. – Он очень привязан к своему дому...

– До встречи на конюшне, – перебил его Гэвин. – Мне не терпится посмотреть, сколько новых коней дядя умыкнул у англичан. – Обернувшись, он лукаво добавил, обращаясь к Кейт: – Обещаю, что не скажу ему о той опасности, которая грозит его дому.

Гэвин, обогнав их, пустил коня галопом вперед. Лучи заходящего солнца осветили рыжие кудри юноши. Казалось, что вокруг него застыл сияющий нимб. Гэвин слегка накло-

нился к шее своего скакуна, понукая его скакать еще быстрее. Конь охотно повиновался седоку, чувствуя приближение дома.

– Так ты простишь нашему Ангусу его маленькие грешки? Кейт обернулась и увидела, что Роберт снова улыбается, подшучивая над ней.

Кейт нахмурилась.

– Ты нарочно хочешь сделать мне больно?

– Зачем?

– Не знаю, – ответила она искренне, испытывая чувство, полной растерянности и недоумения. Ей никак не удавалось понять, что у Роберта на уме. Не раз за время пути она ловила на себе его пристальный взгляд. Иногда, заговорившись о чем-то с Гэвином, она забывалась, начинала улыбаться – и тотчас натыкалась на внимательные глаза Макдаррена. Неотступное напряженное внимание, с каким он смотрел в ее сторону, вызывало чувство неловкости. Кейт не могла понять, что же он пытается разглядеть в ней.

– У меня вовсе нет желания тебя задеть или обидеть. – Он перевел взгляд на красный кирпичный дом. – Напротив. Я предвкушаю, что мы снова сможем выспаться на постелях, а не на голой земле...

«Я хочу взять тебя в первый раз на чистых простынях», – неизвестно почему, эта фраза сама собой всплыла в памяти, хотя Кейт приложила все усилия, чтобы забыть ее.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Роберт, отметив, как

вспыхнул румянец на ее щеках. – Видишь, ты поняла, что я имел в виду. Мы поняли друг друга без слов. Ангус живет без жены. Но две его служанки содержат дом в чистоте и порядке. Надеюсь, мы получим, что нам нужно.

Чистая простыня... Кейт с трудом удалось отогнать воспоминание о том, как он обнаженный стоял перед ней, как блестели его глаза, и какое-то тревожное неясное чувство странной болью снова отозвалось в теле.

– Не «нам», а тебе.

– Надеюсь, ты тоже получишь удовольствие, – улыбнулся он. – Я позабочусь о том, чтобы твое желание не уступало моему. Я не из тех мужчин, которые принуждают женщин к близости, если те не хотят ее.

– Гэвин сказал, что ребенок помешает расторгнуть помолвку. И тогда тебе придется отказаться от задуманного. Неужто ты готов рисковать только ради удовлетворения похоти?

– Я знаю, какие меры надо принять, чтобы ты не зачала.

У него был готов ответ на все. А Кейт и понятия не имела о каких-то мерах, к которым прибегают в таких случаях. Что она могла возразить? Кейт молча тронула лошадь и поскакала вперед.

Гэвин, не дождавшись их, поспешил навстречу, когда они были уже в нескольких ярдах от дома. Глаза его горели возбуждением.

– Роберт! – радостно воскликнул он, указывая на двор ко-

нюшни, который, казалось, был битком набит людьми и лошадьми. – Ангус как раз собирается в набег. Он зовет нас с собой. Что ты об этом думаешь?

– Мне казалось, что ты испил полную чашу славы и крови, – сухо ответил Роберт.

– Крови не будет – ну разве только прибьют сторожевого пса. Ангус хочет наведаться в конюшню графа Кавендиша, чтобы забрать несколько отличных кобыл. Ангус считает, что им Шотландия придется больше по душе. Англичане никогда не умели по-настоящему ценить лошадей и ухаживать за ними.

Глаза Гэвина сияли от возбуждения. – Конечно, если ты против, то можешь оставаться. Ангус поймет тебя. Я уже сказал ему, что ты только что женился и захочешь провести вечер у камина.

– Очень мило с твоей стороны позаботиться обо мне.

– Я не смог отразить нападения английских стражников. По крайней мере, хоть на один вечер облегчу жизнь своему господину. Ну, так как? Ехать мне или нет?

– Я подумаю. – Роберт перехватил взгляд Кейт и указал ей на невысокого, но мощного, широкоплечего человека, который стоял в центре толпы, заполнившей конюшенный двор. – Пойдем, я познакомлю тебя с моим родственником.

– Так он и твой родственник тоже? – спросила она, разглядывая Ангуса Гордона. Это был среднего роста, плотный, коренастый человек, с рыжими седеющими волосами и до-

вольно грубыми чертами лица – никакого сходства ни с Робертом, ни с Гэвином Кейт не обнаружила.

– Мы все состоим друг с другом в родстве – в той или иной степени. – Пожал плечами Роберт. – Все связаны родственными узами.

Кейт снова ощутила болезненный укол при этих словах.

Какое же это неповторимое чувство – быть таким, как они! Приехать в любое место своей страны и знать, что ты все равно принадлежишь к единому кругу, единому клану. Ничего! Когда-нибудь и она сможет пережить нечто подобное. Вскоре у нее появится свой дом – место, где она будет чувствовать себя свободной и независимой. И тут Кейт поняла, что все равно это будет совсем не то. В порыве первого воодушевления она даже не задумывалась о том, кто же, кроме нее самой, будет жить в нем?

– Здравствуй, дорогой Роберт. Я уже прослышал о том, что хлопот у тебя прибавилось, – громко заговорил Ангус, когда они подъехали к нему. – Но неужели тебе требуется столько же усилий, чтобы управиться с хлюпенькой англичанкой, как и на захват испанской галеры?

– И в том, и в другом случае есть свои рифы. Кстати, – Роберт повел рукой в сторону Кейт, – моя жена, Кейт. У нее доброе сердце, и потому, Ангус, она скорее всего простит твои грубые и неуклюжие шутки.

– Если уж она выбрала в мужья шотландца, ей придется привыкать к нашему обращению. Ты, небось, тоже не слышишь

ком похож на тех вежливых тихонь, среди которых она росла. Так что ничего особенно нового она от меня не услышала. – Ангус оценивающим взглядом окинул Кейт. – Глаза красивые, груди крепкие, но бедра узковаты – с такими трудно выносить здоровых, крепких наследников.

Он смотрел на Кейт, как хозяин на рынке смотрит на покупаемую скотину. Но она не позволит ему, кем бы он там ни приходился Роберту и Гэвину, обращаться с ней, как с покорной овечкой. Пусть не воображает, что может безнаказанно распускать язык. Она не собирается спускать «милому дядюшке» его хамские шуточки.

Кейт направила лошадь в толпу, остановилась прямо перед Ангусом, с нарочитым разочарованием оглядела его, затем обернулась к Роберту и сказала самым нежным тоном, на какой только была способна:

– Я понимаю, милорд, почему ему хочется, чтобы вы поехали с ним. Такому щедедушному коротышке нужна надежная защита. Одному ему ни за что не справиться.

Гэвнн сдержанно фыркнул.

– Не справиться?! – Лицо Ангуса побагровело. – Мне нужна?.. – Он оборвал себя на полуслове, откинул голову и громогласно расхохотался. – Молодец, девчушка! – отсмеявшись, сказал он уже совсем другим тоном и, снова обратившись к Роберту, спросил: – Ты уверен, что она не шотландка?

– Нет, – коротко ответил Роберт. – И она очень устала. Мы

третий день в пути. И надеялись на твое гостеприимство.

– А кто вам в нем отказывает? – возмутился Ангус. – Как бы ни был недоволен Джеймс, ты всегда можешь рассчитывать найти здесь приют. А как его верный пес Малкольм? У тебя больше не было с ним стычек?

– Нет. Но ведь я почти год не был дома. Думаю, что наши пути с Малкольмом еще не раз пересекутся, когда я снова окажусь в Крейгдью. И я должен предупредить тебя: у Джеймса ко мне масса претензий.

– Ничего, – усмехнулся Ангус. – Для тебя и твоей англичанки все равно найдется комната. Но чтобы меня не обвинили в потворстве англичанам, придется для очистки совести захватить у Кавендиша еще на пару кобылок больше, чем я задумал. – Он помрачнел. – Уж больно много англичане себе позволяют. Они считают, что могут безнаказанно убивать шотландцев и все им сойдет с рук. Ты уже слышал про Марию?

Роберт замер.

– Что именно?

– Ей отрубили голову четыре дня назад. – Ангус пожал плечами. – Я никогда не был ее сторонником, ты сам знаешь. Но с какой стати англичане вообразили, что им дано право казнить шотландских монархов?

Потрясенная Кейт почувствовала вдруг, как обмякло и ослабело ее тело. Шотландская королева мертва? Ее матери отрубили голову?

– Вы уверены? – едва смогла выговорить Кейт. – Как? Как она умерла?

Ангус удивленно посмотрел на нее.

– Ты что это так побледнела? С тобой все в порядке?

– Как она умерла? – настойчиво повторила Кейт.

– Я же уже сказал...

– Нет! Я не то имею в виду. – Кейт сжала руки. – Она умерла... достойно?

– Достоянее, чем жила, – сказал Ангус. – В самом деле. Все говорят о том, что она вела себя очень мужественно, как и подобает королеве. Гонец рассказал, что в день казни она надела красную мантию, чтобы кровь не запятнала ее наряд, и парик. Она была величественна и прекрасна, как в прежние времена. В народе будут слагать о ней легенды, и память о ней не умрет в веках. Елизавета уничтожила соперницу. Но тень Марии будет неотступно преследовать ее. – Ангус еще внимательнее посмотрел на Кейт. – Я вижу, что это известие ошеломило тебя. Неужто твои люди были сторонниками Марии? Они хотели видеть ее на престоле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.